

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 4 (20)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 4 (20)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук
<i>Ефимова О.А.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Куракина Ю.В.* Права человека и права гражданина как элементы правового статуса личности..... 8
- Пономарев М.В., Гаврилова Ю.В.* Защита прав меньшинств как дискурсивная практика современного конституционализма (часть II)..... 15

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Еремينا Т.И.* Особенности правового оформления государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX – начале XX века..... 23
- Полянский П.Л.* Предмет правового регулирования как основание периодизации дореволюционной истории отечественного семейного права..... 31
- Северухин В.А.* К вопросу о «правомерности» злоупотребления правом..... 39

Образовательное право

- Апостолова Т.М.* Образовательные услуги: качество образования и правовые коллизии 48
- Борисова Н.Е.* Конституционные приоритеты защиты прав ребенка 55

Публичное право

- Куксин И.Н.* Юридическое лицо — субъект российского уголовного права: новые реалии 63
- Чеботарева А.А.* Информационная безопасность личности в системе информационных прав и свобод..... 73
- Чурилов С.Н.* О некоторых тенденциях и противоречиях в криминалистической науке..... 78

Частное право

- Ситдикова Л.Б.* Сфера оказания услуг публично-правовыми образованиями 84

Трибуна молодых ученых

- Кочемасов А.В.* Теоретические аспекты кодификации права в США во второй половине XIX века..... 91

Научная жизнь

- Крупеня Е.М.* Обзор XV Международной научной конференции «Правосознание в правовой реальности современного социума» («Спиридоновские чтения», Санкт-Петербург, 10–11 апреля 2015 года)..... 100

Критика. Рецензии. Библиография

- Пашенцев Д.А.* Теоретико-правовой анализ компетенции местного самоуправления: рецензия на монографию И.И. Овчинникова «Компетенция местного самоуправления (проблемы теории и практики правового регулирования)» (М.: Юстицинформ, 2014. 240 с.)..... 103

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2015, № 4 (20)..... 108**

- Требования к оформлению статей..... 111**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Kurakina U.V.</i> Human Rights and Citizen Rights as Elements of the Legal Status of an Individual.....	8
<i>Ponomarev M.V., Gavrilova U.V.</i> Protection of Minority Rights as a Discursive Practice of Modern Constitutionalism (Part II).....	15

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Eryomina T.I.</i> Peculiarities of Legal Registration of the State Pension System of University Professors in the 19 th – Early 20 th Century	23
<i>Polyanskiy P.L.</i> The Subject of Legal Control as the Basis for Periodization of Pre-revolutionary History of Russian Family Law	31
<i>Severukhin V.A.</i> About the Problem of the «Legality» of Rights Abuse	39

Educational Law

<i>Apostolova T.M.</i> Educational Services: the Quality of Education and Legal Conflicts	48
<i>Borisova N.E.</i> Constitutional Prioritize the Protection of Children’s Rights.....	55

Public Law

<i>Kuksin I.N.</i> Legal Entity as a Subject of the Russian Criminal Law and New Realities	63
<i>Tchebotareva A.A.</i> Information Security of the Personality in System of Information Rights and Freedoms.....	73
<i>Churilov S.N.</i> About Some Trends and Contradictions in Forensic Science.....	78

Private Law

Sitdikova L.B. Rendering of Services by Public Law Entities..... 84

Young Scientists' Platform

Kochemasov A.V. Theoretical Aspects of the Question of Codification of Law in the United States in the Second Half of the 19th Century 91

Scientific Life

Krupenya E.M. The Review of the XV International Scientific Conference «Legal Consciousness in the Legal Reality of Modern Society» («Spiridonovskie Chteniya», Saint Petersburg, 10–11 April 2015)..... 100

Critical Survey. Reviews. Bibliography

Pashentsev D.A. Theoretical and Legal Analysis of the Competence of Local Self-government: Review of the Monograph by I.I. Ovchinnikov «The Competence of the Local Government (Theory and Practice of Legal Regulation)» (M.: Yustitsinform, 2014. 240 pp.)..... 103

«MCU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2015, № 4 (20)..... 108

Style Sheet..... 111

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Ю.В. Куракина

Права человека и права гражданина как элементы правового статуса личности

Статья посвящена вопросам соотношения прав человека и прав гражданина с точки зрения их принадлежности конкретной личности. Рассматривается также зависимость правового статуса личности от возможности реализации прав индивидом в конкретном государстве.

Ключевые слова: правовой статус личности; права человека; права гражданина.

Права человека и права гражданина являются составными частями правового статуса личности наряду с субъективными правами, которые существуют в рамках конкретных правоотношений.

Н.И. Матузов, определяя понятие «правовой статус личности», говорит о положении личности, человека и гражданина, т. е. о совокупности прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности, признаваемых и гарантируемых государством [7: с. 263]. Н.И. Матузов настаивает на точке зрения, что в настоящее время указанное деление все более утрачивает свой смысл, поскольку прирожденные права человека давно признаны всеми развитыми демократическими государствами и, таким образом, выступают одновременно и в качестве прав гражданина. «Во всяком случае, внутри государства разграничение прав на “два сорта” лишено практического значения. Тем более что даже апатриды, проживающие на территории той или иной страны, находятся под юрисдикцией ее законов и международного права» [7: с. 264].

Данное утверждение справедливо лишь отчасти. Дело в том, что права человека и права гражданина являются составными частями правового статуса личности, возможность обладания ими бесспорна и определяется лишь моментом рождения и моментом приобретения гражданства. В то же время возможность реализации зависит от ряда экономических, политических, религиозных, культурных факторов, влияющих на реальное положение личности в конкретном государстве.

1. Различие правового статуса человека и правового статуса гражданина

Современное международное и внутригосударственное право в своих формулировках допускает различие понятий «права человека» и «права гражданина». Статус гражданина вытекает из его особой правовой связи с государством — института гражданства (ст. 6 Конституции Российской Федерации).

Все статьи главы 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» последовательно различают права и свободы по указанному принципу. Это находит выражение в формулировках статей. Там, где речь идет о *правах человека*, Конституция использует формулировки: «каждый имеет право», «каждый может», «каждому гарантируется» и т. д. Использование таких формулировок подчеркивает признание указанных прав и свобод за любым человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он гражданином Российской Федерации, иностранцем или лицом без гражданства.

Наряду с этим в статьях 31–33, 36 сформулированы права, принадлежащие *только гражданам* Российской Федерации. Это преимущественно политические права — право на участие в собраниях, митингах, демонстрациях; право участвовать в управлении делами государства; избирать и быть избранным; право равного доступа к государственной службе; право на участие в отправлении правосудия.

В Конституции Российской Федерации обозначены и обязанности, которые несут только граждане, — защита Отечества (ст. 59); возможность осуществления своих прав и обязанностей в полном объеме с 18 лет (ст. 60). Только на граждан распространяется запрет высылки за пределы государства или выдачи другому государству (ст. 61); возможность иметь гражданство иностранного государства — двойное гражданство (ст. 52) [2].

В Конституции Испании (ст. 13), например, прямо говорится, что правами, установленными в статье 23, где речь идет о праве участвовать в управлении делами государства непосредственно или через своих представителей и о равном доступе к государственной службе и государственным должностям, пользуются лишь испанцы, за исключением определенных случаев. Кроме того, устанавливается, что испанцы имеют право свободно выбирать место жительства и передвигаться по территории страны, а также право свободно въезжать в Испанию и выезжать из нее (ст. 19); признается право граждан собираться мирно и без оружия (ст. 21); все испанцы имеют право направлять индивидуальные и коллективные обращения в письменном виде в органы государственной власти (ст. 29); защита Испании является правом и обязанностью испанцев (ст. 30); все испанцы обязаны трудиться и имеют право на труд, на свободный выбор профессии или рода деятельности, на продвижение по службе, а также на заработную плату (ст. 35); все испанцы имеют право на благоустроенное жилье (ст. 47) и др.¹

¹ Конституция Испании от 06.12.1978 // «Boletín Oficial del Estado». № 311, от 29 декабря 1978 г. URL: <http://www.vivovoco.ibmh.msk.su/VV/LAW/SPAIN.HTM> (дата обращения: 30.03.2015).

Федеральный конституционный закон Австрии «О защите личной свободы» от 29.11.1988 года использует в этом же плане такие обращения: «человек», «каждый», «никто», «каждый арестованный», «каждый, кто незаконно арестован или задержан» и т. д. А Основной закон государства «Об общих правах граждан...» от 21.12.1867 года (с последними изменениями 1988 г.), когда речь идет об избирательном праве и правах собраний, создания объединений, основания учебных и воспитательных учреждений, о свободе места жительства и передвижения, приобретении недвижимости, занятии предпринимательской деятельностью и т. д., указывает на политико-правовую связь человека и государства — «каждый гражданин», «австрийский гражданин» и др. Аналогичное разграничение содержится в конституциях Бельгии, ФРГ, Греции, Дании, Италии и других государств [5: с. 86].

В этой связи следует обратить внимание на формулировки Международного пакта о гражданских и политических правах: «каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность» (ст. 9), «никто не может быть лишен свободы на том основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство» (ст. 11); «все лица равны перед судами и трибуналами» и др. Личные права сформулированы применительно к человеку, который может быть, а может и не быть гражданином того или иного государства. Однако статья 5, закрепляющая политические права (право на участие в ведении государственных дел, право голосовать и быть избранным, допуск в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе), применяет термин «каждый гражданин» [1: с. 133–136]. Следовательно, за различием терминов «человек» и «гражданин» следует различие в правовом статусе индивида.

2. Различия в правовом статусе граждан

Нельзя не заметить, что в настоящее время встречаются различия и в *правовом статусе гражданина, которые придают ему значение привилегии.*

В нормативных правовых актах некоторых стран подчеркивается значение понятия «гражданин» как субъекта политической деятельности, активно воздействующего на процесс властвования. Например, Конституция Мексики 1917 года различает понятия «мексиканская национальность» (по-испански *nacionalidad*, но точнее было бы перевести — «государственная принадлежность») и «мексиканское гражданство» (по-испански *ciudadania*). Согласно статье 34 данной Конституции гражданами республики являются лица мексиканской национальности, достигшие 18-летнего возраста и ведущие достойный образ жизни. Именно за гражданами закрепляются привилегии (ст. 35) избирать и быть избранными, служить в армии и Национальной гвардии, собираться для обсуждения политических дел страны, подавать петиции. Предусмотрены для граждан и некоторые дополнительные обязанности (ст. 36): регистрироваться в списках муниципалитета, голосовать на выборах и т. д.² В целом права, свободы, привилегии

² Конституция Мексиканских Соединенных Штатов от 05.02.1917 (с позднейшими изменениями). URL: <http://www.libed.ru/knigi...konstituciya-meksikanskih...shtatov...> (дата обращения: 30.03.2015).

и обязанности принадлежат лицам мексиканской национальности вообще, а не только гражданам. Конституция Бразилии 1988 года также содержит два понятия: «государственная принадлежность» (по-португальски *nacionalidade*) и «гражданство» (*cidadania*), хотя и не проводит между ними такого четкого различия, как Конституция Мексики. Во французском языке также имеется смысловая разница между лицом определенной государственной принадлежности (*ressortissant / ressortissante*) и гражданином / гражданкой (*citoyen / citoyenne*), при этом и термин *nationalite* в одном из значений понимается как государственная принадлежность. Исторически разница между лицом определенной государственной принадлежности (*national* — англ.) и гражданином (*citizen* — англ.) была законодательно закреплена в некоторых колониальных державах в XIX и начале XX века. В таких странах государственная принадлежность (т. е. статус *national*) признавалась практически за всеми жителями как метрополии, так и колоний, а гражданами (т. е. статус *citizen*) считались только те, кто составлял постоянное население метрополии, или лица, временно переселившиеся из метрополии. При этом граждане (*citizens*) в колониальной державе обладали всей полнотой прав (хотя, конечно, для отдельных групп граждан также могли вводиться некоторые ограничения в правах), а права лиц, только лишь имевших некую государственную принадлежность (*nationals*), но не получивших гражданства, были ограничены прежде всего в отношении участия в управлении государством [6: с. 88].

Граждане государства также могут быть неодинаковы по своему положению. *Различаются урожденные в данной стране и натурализованные граждане*, т. е. принятые в гражданство в соответствии с установленной законом процедурой. В ряде стран натурализованные граждане не могут быть избраны президентами (например, в США), урожденных в данной стране граждан нельзя из нее выслать, лишив гражданства, тогда как натурализованных — можно. В отдельных странах (например, в Мьянме) существует понятие «ассоциированный гражданин». Это лица, относящиеся к некоторым национальностям, которые считаются некоренными. Ассоциированные граждане должны сделать письменное заявление о лояльности государству.

В мусульманских государствах существует также *различие в правовом положении граждан-мужчин и граждан-женщин*. Так, иранская Конституция 1979 года провозглашает равенство мужчин и женщин перед законом и предоставление всем гражданам равных политических, экономических, социальных и культурных прав, но с соблюдением предписаний ислама (ст. 20). Оговорка о связанности прав рамками ислама существенно ограничивает сферу применения принципа равноправия женщин. Не случайно конституция особо оговаривает предоставление женщинам прав «во всех областях с соблюдением исламских ценностей» (ст. 21)³.

В конституциях многих арабских стран содержится, по существу, идентичная формулировка, в соответствии с которой семья провозглашается

³ Конституция Исламской Республики Иран от 3 декабря 1979 года. URL: <http://ru.knowledgr.com/00528113/КонституцияИсламской%20РеспубликиИран> (дата обращения: 30.03.2015).

основой общества, а ее устоями — религия, нравственность и любовь к Родине, патриотизм (ст. 15 Конституции ОАЭ, ст. 5 Конституции Бахрейна, ст. 7 Конституции Катара и др.). Причем в ряде случаев прямо предусматривается регулирование семейных отношений нормами мусульманского права. Конституция Арабской Республики Египет устанавливает, что «государство стремится к сохранению самобытного характера египетской семьи с ее ценностями и традициями» (ст. 9), а также ставит правовое положение женщины в семье в зависимость от предписаний мусульманского права (ст. 11)⁴.

Различается *положение граждан в государствах Европейского союза*. После заключения Маастрихтского договора 1992 года, преобразовавшего Европейское сообщество в Европейский союз, все граждане государств-членов являются гражданами Европейского союза, сохраняя национальное гражданство. Они уже давно избирают Европейский парламент, могут теперь участвовать в выборах муниципальных органов государств-членов по месту жительства, обращаться с петициями к Европарламенту и его омбудсмену. Однако их правовое положение в разных государствах неодинаково, оно в основном регулируется внутренним законодательством.

Совсем другое *положение у граждан в государстве с федеративным территориальным устройством*. Особенностью правового статуса гражданина в федеративном государстве является то, что помимо общесоюзного гражданства в федерациях, как правило, существует гражданство субъекта федерации (штата, земли, кантона). Это один из традиционных, исторически сложившихся принципов федеративного устройства ряда стран, закрепленный конституциями (поправка XIV к Конституции США, ст. 6 Конституции Австрии и др.). Договор о Европейском союзе в ст. 8 (1) предусматривает, что «каждое лицо, имеющее гражданство государства-члена, является гражданином Союза». Вместе с тем в некоторых федерациях существует лишь единое федеральное гражданство (Индия, Малайзия и др.).

Гражданство субъекта федерации носит во многом номинальный характер, и все граждане федерации по общему правилу равноправны. В частности, в Конституции США (ст. IV, раздел 2) говорится: «Граждане каждого штата имеют право на все привилегии и вольности граждан других штатов» [6: с. 362]. Более современна формулировка Конституции Австрии (п. 60 ст. 6): «Каждый гражданин федерации имеет в каждой из земель те же права и обязанности, что и граждане этой земли». Аналогична формулировка статьи 33 Основного закона ФРГ [6: с. 127].

Всякая дискриминация граждан в зависимости от места жительства в федерациях обычно запрещена. В США, например, правило запрета на дискриминацию на основе толкования статьи IV Конституции было изложено судьей Верховного суда Б. Вашингтоном в 1823 году в решении по делу *Corfield*

⁴ Конституция Арабской Республики Египет от 11.09.1971. URL: <http://www.svr.su/content/item/2541/> (дата обращения: 30.03.2015).

v. Coryell, но в то же время данное решение не означало, что штаты вообще не могут регулировать права своих граждан.

Конституции подавляющего большинства федеративных государств среди основных прав граждан предусматривают право на свободное передвижение и выбор места жительства. Так, согласно статье 38 Конституции Нигерии, «каждый гражданин Нигерии имеет право свободно передвигаться в ее пределах и проживать в любой ее части» (цит. по: [3: с. 89]).

Различия в правовом положении граждан, существующие в настоящее время в государствах, позволяют говорить и о неоднозначной теоретической трактовке такого явления, как правовой статус гражданина. Государство в таких случаях в большей степени оставляет за собой право влиять на реализацию гражданином своих прав и четко определяет ее порядок.

Соотношение категорий «права человека» и «права гражданина» в научных исследованиях и в правовом регулировании многогранно. Нельзя рассматривать данные понятия как равнозначные, идентичные, но также и как различные. Те понятия, которые в теории возможно четко разграничить, на практике часто взаимозаменяемы.

Таким образом, слияние правового статуса человека и гражданина не абсолютно, и реальное положение личности в государстве характеризуется не только ее человеческой сущностью, но и гражданской принадлежностью. Тем не менее с теоретической точки зрения и с точки зрения правовой действительности представляется целесообразным объединить институты прав человека и прав гражданина категорией «правовой статус личности».

Такой подход к трактовке понятий мы находим и у Л.Д. Воеводина. В книге «Юридический статус личности в России» он замечает, что термин «личность» носит универсальный характер... выражает самую суть двух терминов — «человек» и «гражданин» [4: с. 7]. Поэтому термин «права личности» рассматривается им как понятие, объединяющее права человека и права гражданина.

Личность выражает персонализацию общественных связей человека, их обусловленность [4: с. 54]. Термин «гражданин», в отличие от понятия «человек», характеризуется более основательными политико-юридическими связями лица и государства. Как правило, они вытекают из государственно-правовой принадлежности людей к народу, которому в государстве принадлежит суверенитет (верховенство). Тем не менее любой гражданин — это прежде всего человек, а всякий человек независимо от каких-либо субъективных и объективных обстоятельств (состояние здоровья, характер политико-правовых связей с государством) признается личностью, т. е. субъектом права — носителем прав, свобод и обязанностей. Таким образом, термины «человек», «личность», «гражданин» совпадают, а их юридическим обозначением является «субъект права» [4: с. 55].

Следует обратить внимание и на тот факт, что совпадение вышеназванных понятий говорит прежде всего о взаимодействии правовых явлений, характеризующих статус каждой личности как в международных, так и во внутрисударственных отношениях.

Литература

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Права человека: практикум / Н.Н. Белякович. М.: Алмафея, 2006. 196 с.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. М.: Феникс, 2015. 64 с.
3. *Автономов А.С.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 560 с.
4. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. М.: Изд-во МГУ, Инфра-М, Норма, 1997. 304 с.
5. *Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В.* Конституционное право: учебник для вузов. М.: Юристъ, 2000. 492 с.
6. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 616 с.
7. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 2006. 768 с.

Literatura

1. Mezhduнародny'j pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax ot 16 dekabrya 1966 g. // Prava cheloveka: praktikum / N.N. Belyakovich. M.: Almafeya, 2006. 196 s.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993 g. M.: Feniks, 2015. 64 s.
3. *Avtonomov A.S.* Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhny'x stran. M.: TK Velbi, Prospekt, 2008. 560 s.
4. *Voevodin L.D.* Yuridicheskij status lichnosti v Rossii. M.: Izd-vo MGU, Infra-M, Norma, 1997. 304 s.
5. *Engibaryan R.V., Tadevosyan E.V.* Konstitucionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Yurist', 2000. 492 s.
6. Konstitucii zarubezhny'x gosudarstv: ucheb. posobie / sost. V.V. Maklakov. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Infotropik Media, 2012. 616 s.
7. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M.: Yurist', 2006. 768 s.

*U.V. Kurakina***Human Rights and Citizen Rights as Elements of the Legal Status of an Individual**

The article is devoted to the problem of the correlation of human rights and civil rights from the point of view of their affiliation to a particular individual. The dependence of the legal status of an individual on the empowerment in a particular state is considered.

Keywords: legal status of an individual; human rights; civil rights.

**М.В. Пономарев,
Ю.В. Гаврилова**

Защита прав меньшинств как дискурсивная практика современного конституционализма¹

В статье «проблема меньшинств» рассматривается с точки зрения конструктивизма, а также представлен вывод о роли каждого парадигмального подхода в решении данной проблемы и невозможности признания ни одного из них в качестве приоритетного.

Ключевые слова: права меньшинств; дискурс; конституционализм; инструментализм; примордиализм; конструктивизм; договорное правопонимание; органическое правопонимание; субсидиарность; либерализм; социальный консерватизм; коммунитаризм.

Часть II

Парадигма *конструктивизма* возникла существенно позже инструментализма и примордиализма и в особой степени отразила специфику эпохи «рефлексирующей современности» (ее разработка совпала с расцветом философии постмодернизма, зарождением теорий постиндустриального общества, «лингвистическим поворотом» в науке и распространением постнеклассической эпистемологии). Ключевой особенностью конструктивизма является представление о социальном пространстве как виртуальной среде, которая в равной степени сопряжена и с объективной реальностью, и с воображением человека, его рефлексией, дискурсивным мышлением. Причем для социальной активности ключевое значение имеют именно «воображаемые миры», т. е. системы знаково-символических интерпретаций, приобретающих актуальность и целостность в ходе коммуникативного обмена: «Мы конструируем реальность, в то время как полагаем, что воспринимаем ее, и то, что мы называем реальностью (индивидуальной, социальной, идеологической), есть интерпретация, сконструированная посредством коммуникации и через нее» [10: с. 109]. Тем самым подразумевается, что любая социальная ситуация представляет собой интерактивное взаимодействие различных субъектов, вынужденных «достраивать» образы друг друга, создавать совместные смысловые интерпретации, соотносить собственный

¹ Первую часть статьи см.: Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2015. № 3 (19). С. 15–25.

образ мира с миропониманием окружающих людей. Таким же «воображенным сообществом» является и нация: «Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [1: с. 31]. С точки зрения конструктивизма стабильность общества как социальной системы поэтому не может быть в полной мере достигнута ни гарантиями свободного самовыражения личности и состязательной активностью граждан, ни приверженностью традициям и культурным паттернам, ни нормативным регулированием, ни совершенствованием институциональной «архитектуры» государства. Ключевыми факторами являются высокая динамика общественных коммуникаций, их интерактивный характер и рефлексивная насыщенность. В этом плане парадигма конструктивизма приобретает особую актуальность на фоне современных социальных процессов и тесно смыкается с теориями сетевого общества, инноватикой, коммуникативистикой, когнитивной психологией. Однако эти же установки определяют специфическую роль конструктивизма в идеологическом пространстве общества и сложность воплощения этой парадигмы в системе правоотношений.

Направленность на идеалы динамичного, толерантного, рефлексивного общества сближает коммунитаризм с либеральным мышлением. Однако гораздо в большей степени современный конструктивизм близок к *коммунитарной идеологии*, ориентированной на сосуществование множества социальных сообществ, каждое из которых дает своим членам узнаваемую идентичность и комфортную жизненную среду. При этом все сообщества рассматриваются как открытые комьюнити, что позволяет индивиду свободно покидать их и присоединяться к иным группам, либо одновременно выступать в роли участника сразу нескольких «социальных миров» [9: с. 125]. Именно такое поликультурное, коммуникативно насыщенное пространство, формирующее идентичность человека на нескольких уровнях (от личного, группового и национального до регионального, цивилизационного и глобального), коммунитаристы считают наиболее прочной основой для реализации любых социальных практик. Каждый из компонентов этого пространства служит основой для «человеческой деятельности по осмыслению и репрезентации, организации и интерпретации» [3: с. LP], а его скрепляющей основой являются публичные дискурсы. Поэтому коммунитаризм оказывается исключен из обычного идеологического противостояния. С точки зрения его приверженцев, любые идейные доктрины имеют право на существование, поскольку представляют собой лишь дискурсивные формации, необходимые для культурной множественности и эластичности общества, — именно в их напряженном диалоге, в перманентной борьбе их нарративов за умы и сердца людей рождается социальная идентичность человека, «вновь и вновь переопределяемая через слова и дела» [3: с. 8–9].

Равным образом конструктивистское мышление не вписывается и в дихотомию договорного и органического миропонимания. Власть и право воспринимаются конструктивистами в том же контексте дискурсивного самоопределения,

сосуществования и конкуренции различных культурных моделей. Поэтому отрицается сама возможность строгой иерархии между индивидуальной и коллективной правосубъектностью. Альтернативой представляется *субсидиарная модель правоотношений*. Субсидиарность представляет собой «организационный принцип, предусматривающий многоуровневую систему принятия решений, согласно которому задачи должны решаться на самом низком (максимально приближенном к низовым структурам), малом или удаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно, то есть преимущество отдается... осуществлению удовлетворению самостоятельности меньших социальных образований и отдельных личностей в целом» [5: с. 109]. Иными словами, речь идет не просто о специфической модели распределения компетенции, а о признании презумпции социальной инициативы и свободного самовыражения индивидов и социальных групп при условии эффективности их действий, а также при координирующем и рамочном регулировании со стороны общества и государства [2; 7]. Подобный подход соответствует логике *либерально-этактистской модели конституционализма*, призванной сбалансировать систему отношений «человек – общество – государство», обеспечить ее институциональную целостность на основе гибких ролевых отношений, а не формализованных организационных структур. Примером успешного решения такой задачи является конституционная система ФРГ. Закрепился принцип субсидиарности и в современном международном праве, в том числе превратившись в одну из самых действенных опор правового пространства Европейского союза².

Проблема меньшинств является принципиально значимой для конструктивистской парадигмы. Любые формы дискриминации и давления по отношению к меньшинствам представляются неприемлемыми, поскольку ведут не только к деформации жизненного пространства отдельных социальных групп, но и разрушают всю систему дискурсивных коммуникаций в обществе. Однако, в отличие от либерального (инструменталистского) подхода, защита естественного права человека «оставаться в своем состоянии» отнюдь не считается приоритетной задачей. Более того, современные конструктивисты с немалым скепсисом относятся к нарочитой борьбе за права меньшинств. Например, показательны рассуждения профессора Йельского университета Сейлы Бенхабиб: «Ввиду того, что женщины, расовые, этнические и языковые меньшинства, аборигенные народы, религиозные общины и мигранты потребовали признать и учесть их право на “особость”, возникли новые политические представления и новый политический вокабуляр. “Особость” стала общим термином, затуманивающим вполне реальные различия между группами людей... Такая политика идентичности страдает от парадоксального стремления сохранить чистоту нечистого и фундаментальность случайного» [3: с. XXXII, 12]. Конструктивисты считают, что в борьбе за права человека нельзя забывать о социальной

² См.: Протокол о применении принципов субсидиарности в пропорциональности // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М.: Инфра-М, 2008. С. 396–400.

природе его идентичности. Другое дело, что в современном обществе идентичность все в большей степени утрачивает примордиальную основу и приобретает игровой характер. Представители разных страт и комьюнити начинают отличаться друг от друга не столько по *уровню и качеству*, сколько по *стилю* жизни. Принадлежность к таким сообществам уже не может быть очерчена внешними статусными признаками — требуется активное, узнаваемое *исполнение* своей социальной роли. В итоге именно игровая симуляция формирует комьюнити как самобытные социальные сообщества, а всеобщим социальным языком становится «культура перформанса» — имиджевое поведение в знаковых ситуациях [11: с. 58; 8: с. 13–14].

С этой точки зрения очень показательным, что эпицентром конструктивистских дискуссий о правах меньшинств становится не проблема культурного самоопределения этнических, языковых или конфессиональных групп, а социальные притязания гендерных меньшинств. Понятие «гендер» имеет именно конструктивистскую природу — оно противопоставляется «половой принадлежности» как врожденной биосоциальной характеристике. Гендер представляет собой *приобретаемую и исполняемую* роль, даже если речь идет о традиционных стандартах мужественности и женственности [4: с. 45–111]. В плоскости правоотношений гендерная идентичность порождает очень неоднозначную ситуацию. Совершенно очевидна необходимость защиты гендерных меньшинств от дискриминации как нарушения общегражданских прав, поводом к которым послужила нетрадиционная ориентация. Однако для ЛГБТ-сообщества как особого комьюнити этого совершенно недостаточно. Эмансипация гендерных меньшинств требует перехода к полноценному статусу социальных страт, что означает не только свободу имиджевого поведения, но и признание обществом нормальности соответствующих ценностных и поведенческих моделей. Не случайно за последние два десятилетия ЛГБТ-сообщество сменило перформанс узнавания (гей-парады, тематические клубы и сайты, театрализованная эстетика) на борьбу за легализацию однополых браков (что означает полноправное участие лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров во всех видах правоотношений). И эта ситуация вышла за пределы противостояния традиционного большинства и нетрадиционных меньшинств. Так, легализация однополых браков во Франции в 2013 году вызвала массовые демонстрации как в поддержку, так и в знак протеста против этого решения, но среди сторонников ЛГБТ-сообщества оказалось множество гетеросексуалов, воспринимающих проблему гораздо шире — как борьбу за право свободного взаимодействия и самопрезентации не только в приватной жизни, но и в сфере публичных отношений. Еще более показательным, что примерно в том же ключе высказался и папа римский Франциск I, что стало настоящим потрясением для традиционного большинства в католическом мире³. Подобные факты наглядно показывают, что любое линейное решение проблемы меньшинств, как выбор между «запретить» и «разрешить», не имеет должного эффекта. Разумной альтернативой с точки

³ Папа Франциск призвал защитить геев от дискриминации: «Мы должны быть братьями» // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/religy/29jul2013/papa.html> (дата обращения: 20.12.2014).

зрения парадигмы конструктивизма является широкое внедрение субсидиарной модели правоотношений.

Итак, проблема меньшинств может быть рассмотрена в контексте трех совершенно разных парадигмальных подходов, каждый из которых имеет определенные основания с точки зрения эпистемологической логики, специфики современных социальных практик, структуры идеологического пространства, опыта конституционно-правового и международно-правового регулирования. Но при этом ни один из них не может рассматриваться в качестве доминирующей стратегии в вопросе о защите прав меньшинств.

Инструменталистская парадигма выглядит особенно уязвимо, хотя именно она в наибольшей степени соотносится с существующим международно-правовым стандартом в области прав человека и привычными установками в области развития гражданского общества, плюралистической демократии, правового государства. Несмотря на явное падение общественного интереса к либеральным идеологемам, инструментализм сохраняет значимость в качестве социальной стратегии (достаточно вспомнить, что именно его логика во многом предопределяет направленность современного развития образовательных систем). Однако сама по себе установка на социальную автономию индивида и ситуативный характер общественного взаимодействия резко сужает возможность реализации принципов инструментализма в рамках конституционно-правового регулирования. Это касается даже стран с англосаксонской правовой культурой, население которых все в большей степени утрачивает культурную гомогенность.

Более востребованной в современных условиях выглядит примордиальная парадигма — недаром политические партии социально-консервативного толка явно доминируют в странах евро-атлантического пространства на протяжении последних полутора десятка лет. Сказывается потребность общества в устойчивых и комфортных атрибутах идентичности, помогающих преодолеть ощущение разрыва времен, снять стресс от нарастающего медийного прессинга и глобальной информационной открытости. Следует учесть и явную этатизацию конституционализма, связанную с усилением социальной роли государства в условиях многочисленных рисков и вызовов современности. Примордиальные ценности позволяют соотнести эту тенденцию с возрождением органического единства нации, а не технократической бюрократизацией. В таком контексте решение проблемы меньшинств с точки зрения интересов общепринятой культуры общества выглядит вполне логичным и приемлемым для большей части общества (что демонстрирует, например, ход дискуссий об угрозах исламизации Европы). Однако в действительности такой примордиальный вектор ставит целый ряд вопросов. Характерная для него установка на правовую защиту и даже поощрение культурной самобытности меньшинств предполагает их полную лояльность по отношению к культуре большинства, т. е. недвусмысленное принятие роли младших братьев. Меньшинства при этом воспринимаются в качестве статичных и относительно замкнутых социальных групп. Их культура «фольклоризируется»,

«мыслится в качестве строго определенного набора обычаев и норм, задаваемых исторической традицией» [6: с. 69], что совершенно противоречит и социодинамике современного общества, и интересам меньшинств, нуждающихся в эмансипации, а не патернализме. Поэтому не случайно возрождение этничности в современном обществе носит преимущественно протестный характер и сопровождается всплесками сепаратистских настроений (наглядными примерами являются референдум 2014 года о независимости Шотландии, широкое движение за самостоятельность в Каталонии и Стране Басков, деятельность движения за отделение Квебека, многолетний этнополитический кризис в Бельгии). Не менее противоречивый характер носит примордиальная политика в отношении языковых меньшинств. Их представителям, по сути, предлагается превратить собственную лингвистическую культуру в приватную, ибо ее полноправная легализация воспринимается как угроза общенациональным культурным кодам (показательным с этой точки зрения является зарождение современного украинского кризиса). Схожим образом примордиальная позиция в отношении религиозно-конфессиональных меньшинств приводит к рассуждениям об опасности прозелитизма, нетрадиционных верований и разнообразных сект, неприемлемых на канонической территории исконных религий (что весьма напоминает спекулятивную полемику о правах коренных и некоренных народов). Любая же попытка нормативно определить меру религиозного многообразия лишь обостряет проблему совместимости культурных кодов (показательны примеры дискуссий вокруг запрета на ношение хиджабов во Франции, запрета на строительство минаретов в Швейцарии, судебной попытки запрета размещения распятия в классных комнатах в итальянских государственных школах). А такие проблемы, как социализация гендерных или субкультурных меньшинств, вообще не имеют внятного решения в русле примордиального подхода.

Роль конструктивизма в качестве стратегии решения проблемы меньшинств выглядит не менее противоречивой. С одной стороны, именно конструктивизм наиболее близок к ритму современной жизни. Его концепты позволяют на новом уровне осмыслить перспективы развития гражданского общества и значимость защиты прав человека на свободное самоопределение — на смену морализаторским призывам к политкорректности и всеобщей толерантности приходит признание инновационного, множественного, интерактивного, сетевого характера современных социальных практик, вполне прагматичная установка на всемерное развитие человеческого капитала. Однако такой подход очень сложно реализовать на уровне практического правового регулирования. Например, субсидиарная модель правоотношений в полной мере закрепились лишь в ФРГ, где ее открытость и множественность опираются на ментальные традиции немецкого «орднунга» (нем. Ordnung — порядок). А вот в Европейском союзе принципы субсидиарности в значительной степени вытеснены французской бюрократической культурой, стремлением к административной централизации и упорядочивающему регулятивному воздействию сверху вниз. Что еще более важно, конструктивистский

мультикультурализм совершенно чужд огромному количеству людей, которые испытывают стресс от рефлексивной современности, склонны видеть в любых проявлениях инаковости «нашествие чужаков», «агрессивную экспансию фриков», «господство гомосексуального лобби». Показательно, что еще в 2011 году ведущие лидеры европейских стран А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерон в унисон заявили о крахе проекта мультикультурализма в Европе.

Перечисленные проблемы не носят, конечно, фатальный характер. Но очевидно, что ни один парадигмальный подход с сопутствующими ему идеологическими приоритетами и рецептами правового регулирования не может рассматриваться как бесспорная основа для эффективного решения проблемы меньшинств. И именно этот факт подтверждает правильность первоначальной гипотезы о том, что защита прав меньшинств в современных условиях имеет характер дискурсивной социальной практики. Поиск приемлемых правовых и политических решений в этой сфере должен быть основан не на аксиомах той или иной стратегии, а на постоянном и напряженном общественном диалоге, интенсивном проговаривании любой государственной или гражданской инициативы. Конечно, даже такой подход не может стать залогом прочного и долговременного общенационального консенсуса — множественный и изменчивый характер современного социального пространства в принципе исключает такую возможность. Однако формирование единого дискурсивного поля, интегрирующего противостоящие друг другу модели мышления, аргументации, миропонимания, позволяет вывести на новый уровень рефлексивную активность общества, минимизировать роль стереотипов и фобий, признать ту истину, что только реализация права *каждого* человека быть *услышанным* и *понятым* со стороны общества обеспечивает возможность формирования устойчивого большинства в общенациональном масштабе.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. *Аристова К.С.* Что же такое субсидиарность? // Российское правосудие. 2010. № 11. С. 62–66.
3. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 350 с.
4. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
5. *Канифатов А.С.* О содержательных аспектах принципа субсидиарности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2009. № 4. С. 109–116.
6. *Малахов В.С., Осипов А.Г.* Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России: Социология, этнология. 2008. Т. 17. № 3. С. 67–91.
7. *Пономарев М.В.* Принцип субсидиарности — диалектика свободы и ответственности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2009. № 1. С. 56–63.

8. Пономарев М.В. «Человек играющий» в социокультурном пространстве «общества спектакля» // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. науч. тр. Вып. V. М.: Прометей, 2014. С. 8–17.
9. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, 2000. 160 с.
10. Цоколов С.А. Радикальный конструктивизм: эпистемология без онтологии? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1999. № 2. С. 105–117.
11. Штайн О.А. Маска как форма идентичности. Введение в философию образа. СПб.: РХГА, 2012. 160 с.

Literatura

1. Anderson B. Voobrazhaemy'e soobshhestva. Razmy'shheniya ob istokakh i rasprostranenii nacionalizma. М.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
2. Aristova K.S. Chto zhe takoe subsidiarnost'? // Rossijskoe pravosudie. 2010. № 11. S. 62–66.
3. Benxabib S. Prityazaniya kul'tury'. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuyu e'ru. М.: Logos, 2003. 350 s.
4. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. М.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2000. 304 s.
5. Kanifatov A.S. O sodержatel'ny'x aspektax principa subsidiarnosti // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski SKAGS. 2009. № 4. S. 109–116.
6. Malaxov V.S., Osipov A.G. Kategoriya «e'tnicheskoe men'shinstvo» v rossijskom publichnom i zakonodatel'nom diskursax // Mir Rossii: Sociologiya, e'tnologiya. 2008. T. 17. № 3. S. 67–91.
7. Ponomarev M.V. Princip subsidiarnosti — dialektika svobody' i otvetstvennosti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2009. № 1. S. 56–63.
8. Ponomarev M.V. «Chelovek igrayushii» v sociokul'turnom prostranstve «obshhestva spektaklya» // SLIO-SCIENCE: Problemy' istorii i mezhdisciplinarnogo sinteza: sb. nauch. tr. Vy'p. V. М.: Prometei, 2014. S. 8–17.
9. Uolcer M. O terpimosti. М.: Ideya-Press, 2000. 160 s.
10. Czokolov S.A. Radikal'ny'i konstruktivizm: e'pistemologiya bez ontologii? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 1999. № 2. S. 105–117.
11. Shtain O.A. Maska kak forma identichnosti. Vvedenie v filosofiyu obraza. SPb.: RHGA, 2012. 160 s.

M.V. Ponomarev, U.V. Gavrilova

Protection of Minority Rights as a Discursive Practice of Modern Constitutionalism (Part II)

In Part II of the article minority problem is viewed from the perspective of constructivism and the conclusion about the role of each paradigm approach in solving the problems discussed and the impossibility to recognize any of them as a priority is represented.

Keywords: minority rights; discourse; constitutionalism; instrumentalism; primordialism; constructivism; contractual legal thinking; organic legal consciousness; subsidiarity; liberalism; social conservatism; communitarism.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Т.И. Еремина

**Особенности правового оформления
государственного пенсионного обеспечения
преподавателей университетов
в XIX – начале XX века**

В статье рассматриваются вопросы государственного пенсионного обеспечения профессоров императорских университетов Российской империи как государственных гражданских служащих. Анализируются особенности и льготные условия назначения пенсий преподавателям университетов по сравнению с другими категориями государственных служащих.

Ключевые слова: закон; пенсия; профессор; университет; льгота.

В условиях реформирования современной пенсионной системы законодательный и правоприменительный опыт функционирования пенсионной системы дореволюционной России представляет научный и практический интерес. В системе российского дореволюционного права отдельно не выделялись пенсионное, социальное или трудовое право в качестве самостоятельной отрасли, и нормы права пенсионного обеспечения были отнесены к институтам государственного права [6: с. 5]. Исследование проблемы пенсионного обеспечения профессоров императорских университетов Российской империи дает возможность составить объективное представление о роли и месте государственного пенсионного обеспечения в системе льгот и привилегий педагогических кадров высшей школы дореволюционной России. Как организационно-правовой институт пенсионная система появилась в России в начале XIX века. Оформление единой пенсионной системы в Российской империи исследователи [9: с. 120] относят к 1827 году, когда появился Общий устав о пенсиях и единовременных пособиях. Разработка этой системы началась значительно раньше, первые шаги в этом направлении были сделаны в 1817 году [5: с. 243]. В предыдущем столетии (1764 г.) Екатерина II высочайше утвердила доклад Сената «О пенсиях статских чиновников» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

Т. XVI. № 12175), в котором пенсии для государственных служащих определялись как вознаграждение за их службу. Впервые был указан срок необходимой выслуги (35 лет) для получения пенсий от государства. С этого времени можно начинать отсчет пенсионного обеспечения государственных гражданских служащих. Но оставались законодательно неурегулированными вопросы пенсионного обеспечения вдов и детей чиновников. В 1798 году император Павел I издает именной Указ Сенату «О правилах производства пенсиона служащим и неслужащим военным и гражданским чиновникам» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXV. № 18502), в соответствии с которым пенсионерам, вновь поступающим на государственную службу, выплачивались либо пенсия, либо жалованье, в зависимости от того, какая сумма оказывалась больше. Николай I утвердил Устав о пенсиях и единовременных пособиях 6 декабря 1827 года, который вступил в действие с 1 января 1828 года. Складывается целостная система пенсионного обеспечения государственных служащих, просуществовавшая в несколько измененном виде до 1917 года.

Пенсионное обеспечение в Российской империи было привилегией исключительно государственных служащих. До 1912 года государственное пенсионное обеспечение в Российской империи охватывало только военнотрудовых и чиновников, но с принятием закона о страховании рабочих оно распространилось и на рабочих и служащих, занятых в фабрично-заводской и горной промышленности [8: с. 136]. Для профессоров императорских университетов как государственных служащих правительственных учреждений вопросы пенсионного обеспечения разрешаются с момента возникновения российских университетов в начале XIX века. Эти вопросы не рассматриваются в Уставе 1804 года. Они были вынесены в Утвердительные грамоты императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 258–259). Первыми субъектами пенсионного обеспечения в российских университетах в XVIII – начале XIX века стали иностранные профессора, приглашенные для работы из-за границы, которым определялась из государственной казны пенсия по выслуге определенного количества лет и на содержание вдов и детей. Как подчеркивает А.Ю. Андреев, вдовы профессоров в Германии получали помощь не от государства, а из частных фондов и в гораздо меньшем размере [1: с. 435, 437]. В первой четверти XIX века пенсионное обеспечение профессорско-преподавательского корпуса российских университетов осуществлялось на основе пенсионного устава Екатерины II и университетского законодательства, в частности, Утвердительных грамот императорских университетов. В последних уже рассматривается вопрос об обеспечении вдов и детей профессоров, чего не было в уставе Екатерины II. В этом отношении университетское законодательство опередило положения общего пенсионного законодательства.

С 1827 года порядок назначения и выплаты пенсий регулировался Общим уставом о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам [Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3. Кн. 3. Раздел первый].

Этим же уставом награждались (формулировка устава. — *Примеч. авт.*) пенсиями и пособиями все служащие с гражданскими чинами по ведомствам: духовному, военному сухопутному и морскому. В уставе впервые было дано определение государственного пенсионного обеспечения, под которым понималось вознаграждение за непорочную службу. В первой статье устава указывалось, что пенсия является наградой за службу государству. В то же время пенсия рассматривалась и как право на получение этого вознаграждения [2: с. 12]. По Общему уставу о пенсиях и единовременных пособиях основным условием назначения пенсии государственным служащим были выслуга лет и беспорочная служба. Кроме Общего устава, действовали Особенные уставы о пенсиях и единовременных пособиях по некоторым ведомствам (Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3. Кн. 3. Раздел второй). Они учитывали специфику гражданской службы в различных ведомствах: условия службы, отдаленность местностей, политические интересы государства, значимость рода деятельности для осуществления государственных задач и целей и др. В основу всех ведомственных пенсионных уставов были положены принципы Общего устава о пенсиях и единовременных пособиях. Особенные уставы о пенсиях и единовременных пособиях определяли особые положения по назначению пенсий и единовременных пособий по некоторым ведомствам, в том числе по ведомству учебному и ученому. При этом правила Общего пенсионного устава распространялись и на служащих учебного ведомства и их семьи в тех случаях, когда «в особенных положениях никаких правил не постановлено» (Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3. Кн. 3. Ст. 244).

Лицам, служащим «по учебной части министерства народного просвещения» и их семьям, пенсии назначались на основе особых правил статей 467–529 Особенных пенсионных уставов из средств государственного казначейства. На основании указанных статей пенсии назначались профессорам, адъюнктам, лекторам, учителям языков в университетах. При этом служащие учебных заведений, не имеющие ученых званий, а также лица, не занятые «учеными предметами» (учителя чистописания, черчения, рисования, танца, музыки, пения, фехтования, гимнастики), учителя начальных и средних учебных заведений [4: с. 63–76], награждались пенсиями по правилам Общего пенсионного устава.

Пенсионная система России предусматривала возможность предоставления отдельным группам служащих пенсий на льготных, в отличие от других, условиях. В конце XIX века появились льготные условия выслуги лет для государственных служащих в отдаленных местностях Российской империи в соответствии с высочайше утвержденными 13 июня 1886 года Правилами об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и царства Польского (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI. № 3817).

Как представляется, с учетом особенностей учебной службы в законодательстве были определены сокращенные (по сравнению с общей гражданской службой) сроки выслуги пенсии по учебному ведомству: 20 лет — для получения пенсии в размере половинного оклада и 25 лет — пенсии в размере полного оклада. Для общей гражданской службы эти сроки были соответственно 25 и 35 лет. При переходе чиновника из общей гражданской службы в службу учебную семь лет общегражданской службы приравнивались к пяти годам службы учебной. При оставлении учебной службы и переходе в военную и иную гражданскую службу год службы учебной по министерству народного просвещения приравнивался к году службы иной гражданской или военной без сокращений.

Продолжение службы после 25 лет было привилегией для немногих. В соответствии со статьей 492 Особенных уставов о пенсиях профессора, прослужившие в учебном ведомстве 25 лет, оставались на службе только «...по ручательству ближайшего начальства, что они могут служить с пользою, причем они сохраняют на службе и пенсию». По выслуге 25 лет профессорам назначалась пенсия по размеру жалования, по выслуге 20 лет — половина жалования. Большую часть рассматриваемого периода фиксированное жалование профессоров и преподавателей российских университетов было следующим: ординарный профессор получал 3000 рублей, экстраординарный — 2000 рублей, лектор — 1000 рублей в год [3: с. 76]. После 30 лет учебной службы профессор получал повышенную пенсию, т. е. не в размере жалования, а в размере содержания (включая «столовые» и «квартирные» деньги). Для общегражданской службы устав о пенсиях не предусматривал выплату пенсии одновременно с выплатой содержания по службе. Профессорам императорских университетов была установлена льгота — право на получение пенсии одновременно с жалованием по выслуге в разных должностях по учебной части свыше 25 лет. Указом Правительствующего сената от 23 мая 1855 года было восстановлено утраченное в 1852 году право профессоров, выслуживших двадцатипятилетний срок, но продолжавших заниматься преподавательским трудом, на получение пенсий сверх жалованья. Восстановленное право распространялось не только на служащих ведомства министерства народного просвещения, но и на другие ведомства, учебные части которых пользовались этим правом до издания Высочайшего указа 6 ноября 1852 года, отменившего эту льготу. (Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 283. Оп. 3. Д. 4678. Л. 2).

Профессор, не имеющий звания заслуженного профессора, сохранял пенсию сверх жалования только в случае продолжения службы по учебному ведомству. Звание заслуженного профессора (профессор, прослуживший 25 лет в должности преподавателя в университете, удостоивался звания заслуженного профессора) в соответствии с университетским Уставом 1835 года (ст. 139) давало преподавателю право получать жалованье и пенсию «при занятии вновь кафедры или по вступлении в другой род службы», но уже по университетскому Уставу 1884 года (ст. 154) заслуженный профессор мог сохранить пенсию при наличии жалованья только «при службе вне университета».

В университетских уставах 1835, 1863, 1884 годов были представлены особые разделы о пенсиях и пособиях за службу в университетах, которые имели нормы бланкетного характера, отсылавшие по вопросам порядка назначения пенсий профессорам к соответствующим статьям Устава о пенсиях и единовременных пособиях, что, в свою очередь, свидетельствовало об интеграции пенсионных положений университетского законодательства и законодательства о государственном пенсионном обеспечении лиц, находящихся на государственной службе. Объем нормативных положений указанных разделов уставов был различным. В Уставе 1835 года из двенадцати статей раздела одиннадцать (ст. 138–148) определяли правила назначения пенсий для преподавателей университетов без отсылочных норм на статьи Общего устава о пенсиях и единовременных пособиях. И только в статье 149 указывалось, что пенсии и единовременные пособия всем прочим чиновникам университета и их семьям определяются на основании Общего устава о пенсиях 1827 года. В университетском Уставе 1863 года статьи соответствующего раздела (ст. 145–147) имеют нормы бланкетного характера. По вопросам пенсий и единовременных пособий для преподавателей (ст. 145 Устава) указано, что эти правила содержатся в статьях 467–529 Устава о пенсиях и единовременных пособиях (Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3.). В университетском Уставе 1884 года соответствующий раздел представлен статьями 152–157 с нормами бланкетного характера со ссылками на статьи 342–385 Общего устава о пенсиях и единовременных пособиях с соответствующими изменениями. Особые положения по назначению пенсий профессорам содержатся в статье 154 университетского Устава 1884 года. В соответствии с этой статьей пенсии по выслуге 25 лет и половинные пенсии по выслуге 20 лет назначались уже не по окладу содержания (включающего в себя жалованье, столовые и квартирные деньги), а только по размеру жалованья. Следует отметить, что для государственных гражданских служащих, кому пенсии назначались в соответствии с нормами общего пенсионного устава, размер пенсий определялся не по окладам жалования, а по окладам пенсий, установленным соответственно их должностям. Штатное расписание государственных учреждений содержало данные об окладе жалования в год для каждой должности, так называемые квартирные суммы и столовые суммы, классы и разряды должности, «шитья на мундире» и пенсии [7: с. 5]. Профессор, отслуживший в университете 25 лет и остающийся на службе, мог рассчитывать только на жалованье. Пенсию ему не выплачивали. Для продолжения службы в университете профессорам, прослужившим 25 лет, требовалось ходатайство попечителя и разрешение министра народного просвещения. (Устав 1884 г. § 104). Выслужившим двадцатипятилетний срок профессорам предоставлялось право получения пенсии наряду с жалованьем при осуществлении службы за пределами университета и только в тех случаях, когда действующим законодательством допускалось совмещение пенсии и жалованья. Пенсия профессора в этом случае определялась «в размере половины выслуженного им оклада». После тридцатилетней «учебной службы» профессору назначали пенсию в размере полного оклада содержания (Общий устав университетов 1884 г. § 154).

При этом профессора исключали из штатного расписания, но за ним сохранялось право продолжить чтение лекций еще в течение пяти лет и получать вознаграждение сверх пенсии в размере 1200 рублей в год (Общий устав университетов 1884 г. Ст. 105). Решением министра народного просвещения срок мог быть продлен и на следующее пятилетие.

Пенсия по российскому законодательству была предусмотрена и для тех преподавателей, которые по состоянию здоровья, в связи с неизлечимой болезнью не могли продолжать службу в университете. В соответствии с университетским Уставом 1835 года (ст. 140) таким лицам, прослужившим в университете десять лет, полагалась пенсия в половину годового оклада, за пятнадцатилетнюю службу — три четверти, а за двадцатилетнее служение — полный оклад. Университетский Устав 1884 года (ст. 155) увеличивал эти сроки: прослужившим от 10 до 20 лет полагалась одна треть оклада, за службу от 20 до 25 лет — две трети оклада, прослужившим 25 лет и более — полный оклад причитающейся пенсии. Профессорам с тяжкими и неизлечимыми болезнями, которым требовался постоянный посторонний уход, назначалась пенсия в одну треть оклада — за службу от 5 до 10 лет, две трети оклада — за службу от 10 до 20 лет, полный оклад — за службу от двадцати лет и более (ст. 156). Появление в законодательстве положений о пенсиях по болезни, инвалидности, членам семей по потере кормильца означало, по сути, оформление государственного социального страхования государственных гражданских служащих. Наличие в российском законодательстве пенсий по инвалидности свидетельствовало о довольно высоком уровне развития пенсионного законодательства. Не все европейские государства того периода имели соответствующие законоположения о пенсионном обеспечении инвалидов [8: с. 135].

Пенсионное обеспечение распространялось и на семьи преподавателей университетов. В соответствии с Утвердительными грамотами императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Ст. 259) вдовам преподавателей университетов и их детям выплачивали одновременно годовые оклады жалования покойного, право на получение пенсии соответствующего размера зависело от конкретного срока выслуги умершего. При вступлении вдовы в новый брак пенсия выплачивалась только детям до достижения 21 года младшему из них. Пенсионные выплаты прекращались в случае вступления дочери в брак и определения сына на службу. Общий устав университетов 1835 года (ст. 144) не предусматривал выплату пенсии вдове и детям преподавателей университетов, которые вступали в брак после увольнения со службы в университете с пенсией. Уточнялось также, что выплаты пенсии сыновьям, определенным в учебные заведения на казенное содержание после смерти отцов-преподавателей университетов, прекращались.

Таким образом, основаниями для выплаты пенсий преподавателям университетов и их семьям из государственной казны в рамках единой пенсионной

системы Российской империи в XIX – начале XX века служили выслуга лет, инвалидность, потеря кормильца, которым соответствовали пенсии за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца. Предусмотренные Особенными уставами о пенсиях и единовременных пособиях (ст. 483) персональные пенсии, назначаемые именными указами императора за «особенные и отличные заслуги», распространялись на практике только на чиновников учебного ведомства высокого ранга. Законодательство о пенсионном обеспечении преподавателей университетов проходит через соответствующие этапы становления, систематизации, интеграции и консолидации. При этом прослеживается тенденция унификации положений о пенсионном обеспечении университетского законодательства и пенсионных уставов, предназначенных для государственных гражданских служащих Российской империи с определенным уменьшением норм привилегированного характера, специально предусмотренных для профессорско-преподавательского состава университетов.

Литература

1. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. *Баранова Е.А.* Особенности развития пенсионного обеспечения в России в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 30 с.
3. *Грибовский М.В.* Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 76–80.
4. *Еремينا Т.И.* Государственная служба учителей в начале XX века. Историко-правовой аспект. СПб.: ТЕССА, 2008. 122 с.
5. *Зубов В.Е.* Реформа гражданской службы в России (конец XIX – начало XX века). Новосибирск: СибАГС, 2005. 367 с.
6. *Квасов Д.А.* Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
7. *Сапилов Е.В.* Российское пенсионное законодательство XIX – начала XX века. М.: ИЭ, 1996. 41 с.
8. *Ташибекова И.Ю.* Проблемы пенсионного обеспечения в России во второй половине XIX – начале XX века // Известия Курского государственного технического университета. 2010. № 2 (31). С. 132–136.
9. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 477 с.

Literatura

1. *Andreev A.Yu.* Rossiiskie universitety' XVIII – pervoj poloviny' XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy'. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. *Baranova E.A.* Osobennosti razvitiya pensionnogo obespecheniya v Rossii v XVII–XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2010. 30 s.

3. *Gribovskij M.V.* Material'ny'j dostatok professorov i prepodavatelej universitetov Rossii v konce XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 349. S. 76–80.

4. *Eremina T.I.* Gosudarstvennaya sluzhba uchitelej v nachale XX veka. Istoriko-pravovoj aspekt. SPb.: TESSA, 2008. 122 s.

5. *Zubov V.E.* Reforma grazhdanskoj sluzhby' v Rossii (konecz XIX – nachalo XX veka). Novosibirsk: SibAGS, 2005. 367 s.

6. *Kvasov D.A.* Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvenny'x sluzhashix Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. 25 s.

7. *Sapilov E.V.* Rossijskoe pensionnoe zakonodatel'stvo XIX – nachala XX veka. M.: IE, 1996. 41 s.

8. *Tashbekova I.Yu.* Problemy' pensionnogo obespecheniya v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Izvestiya Kurskogo gosudarstvennogo texniceskogo universiteta. 2010. № 2 (31). C. 132–136.

9. *Shepelev L.E.* Chinovny'j mir Rossii: XVIII – nachalo XX v. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1999. 477 s.

T.I. Eryomina

Peculiarities of Legal Registration of the State Pension System of University Professors in the 19th – Early 20th Century

The issue of the state pension for professors of the imperial universities in the Russian Empire as civil servants is considered in the article. The characteristics and preferential conditions of granting pensions to professors of universities compared to other categories of civil servants are analyzed.

Keywords: law; pension; Professor; University; a benefit.

П.Л. Полянский

Предмет правового регулирования как основание периодизации дореволюционной истории отечественного семейного права

Автор полагает, что основанием для периодизации дореволюционной истории отечественного семейного права может стать предмет правового регулирования. Данный подход позволит объективно оценить цель и степень вмешательства в брачно-семейные отношения различных субъектов на разных этапах развития отрасли.

Ключевые слова: Россия; история права; семейное право; предмет правового регулирования.

Современная теория государства и права понимает под предметом правового регулирования сферу, на которую распространяется право. В структуру предмета правового регулирования включают следующие элементы: субъекты, объекты регулируемых общественных отношений; социальные факторы, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическую деятельность людей [4: с. 234].

Выделить субъекты правового регулирования для истории российского семейного права достаточно несложно. Разумеется, основным субъектом являлось государство, другим — Русская православная церковь. Третьим субъектом можно считать социум, общество, которое, минуя посредников в виде государственных органов или общественных организаций, занимается саморегуляцией отдельных аспектов своего бытия. Выделение названных регуляторов дает возможность охарактеризовать цели и методы, с которыми они вмешиваются в эти отношения. Обозначив задачи, вставшие перед регуляторами, можно выявить начало их активного вмешательства в брачно-семейную сферу, что поможет установить периодизацию.

Не менее важной задачей представляется выявление тех отношений, на которые оказывает воздействие конкретный регулятор. Здесь важно не совершить некоторых методологических ошибок. Во-первых, нужно избежать соблазна сопоставлять российское брачно-семейное законодательство различных эпох с законодательством современным. Тот факт, например, что закон XVIII и XX веков регламентировал взаимоотношения детей и родителей, не означает, что эти отношения являются хотя бы сопоставимыми. Во-вторых, нужно понимать, что различные регуляторы воздействуют на одни и те же отношения совершенно с разными

целями. Непонимание этого фактора может привести к ошибке, когда, например, более позднее по времени вмешательство российского правительства в регулирование условий и порядка вступления в брак рассматривалось и рассматривается некоторыми исследователями как более или менее успешное вытеснение церкви из данной сферы. Государство и церковь подходили к брачно-семейной проблематике каждый со своей стороны, и при этом было неизбежно возникновение проблемы двойного подчинения и разграничения компетенции.

Выявление социальных факторов, способствующих возникновению регулирования со стороны конкретного субъекта, покажет необходимость воздействия на общественные отношения. Определение момента, когда по объективным причинам регулятор осознает необходимость вмешаться в конкретную сферу, также может способствовать обоснованной периодизации истории развития брачно-семейного законодательства в России.

Начало канонического регулирования брачно-семейных отношений начинается в России гораздо раньше государственного, и причину церковного интереса можно обнаружить в соответствующих источниках. Так, в первом послании апостола Павла коринфянам достаточно четко формулируется позиция: лучше жениться, нежели «разжигаться» (1 Кор. VII, 8–9). К чему приводит внебрачное «разжигание», прекрасно показано в том же апостольском послании: у коринфян Павел отмечает появление особого вида блуда — с женой собственного отца (1 Кор. V, 1). Обращаясь к ефесянам, Павел говорит о блуде как о нечистоте (Ефес. V, 4). В послании к римлянам апостол описывает особый вид нечистоты: «женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга» (Рим. I, 26–27).

Нечистота как термин, определяющий, помимо всего прочего, недостойные христианина половые связи, неоднократно звучит у святых отцов. Так, у Григория Нисского (ок. 335–394) в послании к Литоию, епископу Мелитинскому, нечистой называется прелюбодеяние (правило 4). «Страстной нечистотой» называет Василий Великий (ок. 330–379) брак шестидесятилетней вдовы (правило 24). Он же, припоминая к случаю апостола Павла, рассуждает о браке с близким родственником как о нечистоте (правила 7, 87). На указанных правилах основано 54-е правило вселенского Трулльского собора, в котором незаконные браки также названы «нечистотой». Многобрачие Василий Великий называл «нечистотой» (правило 50) и «скотством» (правило 80), ему вторил Григорий Назианзин (ок. 329–389), уподоблявший скоту вступившего в четвертый брак.

Тот же Григорий Назианзин ради сохранения чистоты считал брак обязательным для мирянина. Но для того, чтобы не допустить развращения христианской души, брак желательно заключать в раннем возрасте. Об этом говорят и отечественные памятники канонического права. Так, митрополит Фотий в поучительных посланиях в Новгород рекомендует выдавать замуж девок, достигших двенадцати лет [7: стлб. 275, 284]. В другом поучении (возможно,

того же Фотия) говорится прямее: «А которые девицы поспели, и вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали» [7: стлб. 918–919].

Таким образом, чистота тела и, следовательно, духа христиан была настоящим объектом заботы церкви в регулировании брачного вопроса. В России правила апостолов, отцов церкви и соборов стали инструментом регулирования брачных отношений после крещения. Об этом недвусмысленно говорит относимый современными учеными [6: с. 138] к началу XI века Устав князя Владимира Святославовича: «воззрех в греческий номаканун». Этот же устав относит к ведению церковного суда бракоразводные дела. Аналогичную политику закрепления за церковью брачно-семейных дел проводил и сын князя Владимира, Ярослав, также знакомый с греческими образцами церковного законодательства. Устав Ярослава (XI – начало XII века) содержит достаточно обширный перечень запрещенных половых связей и определяет наказания за них. Кроме того, в уставе к церковной юрисдикции относится бракоразводный процесс.

Но был ли какой-то иной регулятор, воздействующий на брачно-семейные отношения до прихода на Русь православной церкви? Безусловно, таковой имелся, и это — само общество. В догосударственном состоянии и при отсутствии централизованного регулирования общество представляло собой довольно разрозненные группы, объединенные родоплеменными или соседскими связями. О брачно-семейных обычаях древности имеются довольно отрывочные и разрозненные свидетельства. Так, К.А. Неволин приводит отрывки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и, желая показать разницу между брачными обрядами «цивилизованных», но некрещеных полян, и обрядами остальных известных племен (древляне, кривичи, вятичи и северяне) до принятия ими христианства, указывает на процедуру привода невесты в дом жениха, о передаче приданого, о значении согласия родственников молодых и проч. [3: с. 295–300].

Каков был объект регулирования брачно-семейных обычаев? Изучение специфики крестьянских браков привело известного цивилиста XIX века К.П. Победоносцева к выводу о том, что «у простого народа преобладают хозяйственные понятия о браке» [5: с. 80]. «Хозяйственные понятия» приводили к тому, что браки в простонародье заключались с существенным нарушением возраста: семье малолетнего жениха было выгодно пораньше ввести в свое хозяйство новую рабочую силу. Те же соображения лежали в основе принуждения к браку детей родителями. «Хозяйственные понятия» определяли содержание стовора о приданом и неустойке за отказ вступить в брак. Традиционные брачные обряды конкретной местности, веками освящавшие хозяйственный союз двух семейств, были для российского крестьянства (большинства населения страны) гораздо важнее, чем христианские процедуры, требовавшие дополнительных затрат. Официальная регистрация брака, которая с начала XVIII века сопровождала венчальный обряд, крестьянству была особенно и не нужна: в отличие от дворян, для которых церковные метрики предков служили доказательством сословного статуса или права на родовые

имения, простонародье практически не сталкивалось с проблемами, для решения которых эти метрики могли понадобиться.

Таким образом, если объектом регулирования в брачном вопросе для церкви являлись нравственность и христианская чистота паствы, то для самой паствы в этой же сфере на первое место выходили вопросы хозяйственного плана. Столкновение церкви и общества, по-разному смотрящих на данный предмет, было осложнено появлением третьего регулятора — государственной власти. Специфика государственного регулирования состоит в обеспечении предлагаемых правил поведения принудительной силой. Преследуя в брачном вопросе свой интерес, государство в одних вопросах поддержало православную церковь всей своей силой, но в других — предпочло задействовать свои механизмы воздействия, в том числе и те, которые по своему смыслу не соответствовали христианскому вероучению.

Государственный интерес к определенной сфере общественных отношений проявляется, прежде всего, в издании соответствующих нормативных актов. Желая, например, определить церковную юрисдикцию, князь Древней Руси Владимир и Ярослав издали соответствующие уставы. В предыдущей статье были разобраны взгляды дореволюционных и современных ученых, которые считали царствование Петра I поворотным моментом в истории семейного права. Законы Петра I, как уже было установлено, не были направлены на коррекцию церковных установлений. Что же именно интересовало законодателя, издававшего нормы, скажем, о повышении брачного возраста или об обязательной регистрации брака в метрических книгах?

Петровское законодательство о брачном возрасте было принято в расчете на довольно узкую группу населения: дворянство. Раннее вступление в брак могло привести к отвлечению юных дворян от учебы, являвшейся важным условием поступления на государственную службу. Раннее замужество, хотя и соответствующее церковным канонам, также могло привести к дурным последствиям для дворянок: пользуясь юностью и неопытностью жены, родня мужа могла разными путями перевести на себя ее приданные имения и крепостных людей. Так, 12-летнюю сироту Елену Трусову выдали замуж за Ефима Сабурова. Отец мужа, прокурор Сыскного приказа, и сам супруг, ставший прокурором Мануфактур-коллегии, повели дело так, что вскоре Елена утратила значительную часть своего приданного (в том числе недвижимых имений и крепостных людей). В 1743 году Ефим Сабуров инициировал развод якобы по причине прелюбодеяния Елены, а ей самой тайком семья Сабуровых сделала предложение признаться в измене, за что ей обещали вернуть часть отчужденного имущества и дочь Аграфену, находившуюся на воспитании у свекрови. Одним из итогов длительного разбирательства стал Именной указ от 4 июля 1748 года, повелевший вернуть Елене Сабуровой ее незаконно отчужденные имения.

Трагедии, подобные случившейся с Еленой Сабуровой, были хорошо знакомы законодателю еще в XVII веке. Так, в феврале 1679 года состоялся

боярский приговор, который был инициирован следующими обстоятельствами: «Которым вдовам и девкам даны родственные вотчины, а они с теми вотчинами шли замуж; и родственники тех вдов и девок бьют челом, что мужья тех своих жен, а их родственниц бьют и мучат, и велят им те свои приданные вотчины продавать и закладывать своими именами» [8: Т. II. № 751]. Специфика вотчинного землевладения в XVII веке была такова, что родственники могли проявлять законный интерес к судьбе отчужденного так или иначе имения. Таким образом, объектом охраны законодателя в XVII веке являлись не имущественные права замужних женщин, а права отдельных феодальных родов. Петр I в пунктах *о вотчинных делах*, поднявший планку брачного возраста, «дабы кадеты обоих полов каким образом не притеснены в молодых летах» [2: с. 700], продолжал линию, намеченную его предшественниками, по предотвращению оскудения феодальных фамилий.

Эта задача — сохранение имений в руках благородных фамилий — будет реализовываться законодателем вплоть до начала XX века. Так, сохранение вплоть до Октябрьской революции 1917 года понятия «указная доля», ограничивающее право наследования женщинами внегородской недвижимости, было вызвано, как указывал А.Г. Гойхбарг, задачей, чтобы «имения не выходили из древних, стяжавших вековой отличной службой общее уважение родов» [1: с. 6–7]. По той же причине вплоть до Октябрьской революции незаконнорожденные не могли стать полноправными членами родов фактических родителей: иначе пришлось бы обделять «законных» детей родовой недвижимостью.

Политику укрепления феодального землевладения русское правительство начало проводить до Петра I и Алексея Михайловича. Так, 3 декабря 1627 года Святейший патриарх Филарет Никитич извещал сыну своему, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, что жены умерших вотчинников могли наследовать лишь купленные вотчины, но не родовые и не выслуженные. Объектом регулирования в этом установлении явились, конечно, не права замужних женщин, а права феодальных родов, как и в предыдущих случаях.

Анализ приведенных примеров позволяет выдвинуть следующее предположение: брачно-семейные отношения, нашедшие свое отражение в указанных законах XVII–XVIII веков, являются лишь «периферией», побочным элементом в регулировании более важного для русского правительства вопроса — феодального землевладения.

Феодальное землевладение представляло интерес для правительства не только с точки зрения охраны имуществ боярства и верхушки дворянства, т. е. опоры монарха. Вплоть до начала XVIII века землевладение представляло собой материальную основу военной и гражданской службы в России. Иррегулярные феодальные полки традиционно существовали на доходы феодалов, что было четко закреплено, например, еще в 1555 году. Поэтому необходимо уточнить сделанное предположение: брачно-семейные отношения, так

или иначе отраженные в приведенных законах XVII–XVIII веков, являются побочным элементом в регулировании сословных прав и обязанностей феодалов.

Петр I, проводя реформу армии, окончательно ликвидировал ее иррегулярный характер. Однако сохранение земель в руках благородного сословия не утратило своей актуальности, во всяком случае до середины XIX века. Продолжая оставаться опорой самодержавия, дворянство являлось важным посредником между правительством и огромной массой населения, а именно, крепостным крестьянством. Обязанности крестьянского сословия исторически носили, если можно так выразиться, «раскладочный» характер. За уплату подушной подати, штрафов и пошлин, отправление рекрутской повинности перед властями отвечал не каждый крепостной индивидуально, а посредники — община и, особенно, помещик. В подобных условиях умение управлять помещьем являлось залогом не только благополучия самого владельца, но и отсутствия различных недоимок. Не зря еще в 1736 году правительство требовало, чтобы отцы семейств давали необходимое образование не только тем из сыновей, кто избрет военное поприще, но и тем, кто останется дома «для смотрения деревень и экономии» [8: Т. IX, № 7142].

Выходит, что обязанность дворян давать образование своим *сыновьям* тоже имеет объектом регулирования не права несовершеннолетних детей, а их сословные обязанности: одних детей требовалось готовить к государственной службе, других — к управлению крепостными. Кроме того, назначение дворянства ответственным перед правительством за своих крепостных заставило помещиков в числе прочих хозяйственных вопросов решать судьбу крестьянских браков.

Особое отношение русского правительства к вопросам дворянского землевладения поставило на повестку дня вопрос о доказательствах законности рождения. Внебрачные дети, еще согласно Соборному уложению 1649 года, не имели права на поместья и вотчины фактического отца (ст. 280, гл. X). Начиная с Петра I власть принимала меры к выполнению духовенством обязанности ведения метрических книг, где фиксировались бы браки, рождения и смерти [2: с. 593]. Однако до начала XIX века, по признанию Государственного совета, рассматривавшего в 1839 году дело о завещании имения генерал-майору Боровскому, метрики и консисторское делопроизводство находились в беспорядке и расстройстве. Целая череда судебных процессов второй половины XVIII – первой половины XIX века, вызванная этим беспорядком и расстройством («последней каплей» стало дело полковницы Хрущовой), вынудила власть в 1850 году специально уточнить нормы Свода законов Российской империи о действительности и законности браков, а также о статусе детей от законных и незаконных браков. Таким образом, закрепляя за дворянством определенные права и обязанности, законодатель постепенно сталкивался с вопросами его брачно-семейного устройства.

Исходя из интересов выявленных субъектов регулирования брачно-семейных отношений, можно предложить следующую периодизацию дореволюционного семейного права. Принимая во внимание, что Русской православной церкви в целом не удалось насадить на отечественной почве христианское вероучение, и ее вклад в данной сфере состоял лишь в венчальном обряде, вряд ли стоит выделять Крещение Руси в качестве вехи в истории отрасли. Более обоснованным представляется определить момент, когда вопросы брака и семьи попадают в орбиту государственных интересов, а это начинает происходить вместе с формированием сословного строя в России, т. е. со второй половины XVII века. Именно поэтому дореволюционную историю развития отрасли предлагается делить на два периода: до и после вмешательства в данную сферу правительства. Водоразделом здесь необходимо считать вторую половину XVII века.

Литература

1. *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1914. 128 с.
2. Законодательство Петра I. М.: Юрид. литература, 1997. 880 с.
3. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с.
4. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М.: Зерцало, 1998. 656 с.
5. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М., 2003. 639 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. литература, 1984. 432 с.
7. Русская историческая библиотека. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908. 746 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649 – 12 декабря 1825 г.): в 45 т. СПб., 1826–1830.

Literatura

1. *Gojxbarg A.G.* Zakon o rasshirenii prav nasledovaniya po zakonu lic zhenskogo pola i prava zaveshhaniya rodovy'x imenij. SPb., 1914. 128 s.
2. *Zakonodatel'stvo Petra I.* M.: Yurid. literatura, 1997. 880 s.
3. *Nevolin K.A.* Istoriya rossijskix grazhdanskix zakonov. Ch. 1: Vvedenie i kniga pervaya o soyuzax semejstvenny'x. M.: Statut, 2005. 590 s.
4. *Obshhaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 2 t. / pod red. M.N. Marchenko.* T. 2: Teoriya prava. M.: Zerczalo, 1998. 656 s.
5. *Pobedonoscev K.P.* Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 2: Prava semeiny'e, nasledstvenny'e i zaveshatel'ny'e. M., 2003. 639 s.
6. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshh. red. O.I. Chistyakova.* T. 1: Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M.: Yurid. literatura, 1984. 432 s.
7. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. VI: Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. 1.* SPb., 1908. 746 s.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (1649 – 12 dekabrya 1825 g.): v 45 t. Spb., 1826–1830.

P.L. Polyanskiy

**The Subject of Legal Control as the Basis for Periodization
of Pre-revolutionary History of Russian Family Law**

The author considers that the subject of legal control is the basis of periodization for pre-revolutionary history of Russian family law. Such approach to periodization enables to estimate impartially the aims and degrees of control of every «regulator» in different stages of development of prerevolutionary Russian family law.

Keywords: Russia; history of law; family law; subject of legal control.

В.А. Северухин

К вопросу о «правомерности» злоупотребления правом

Статья посвящена анализу актуальной проблемы — злоупотреблению субъективным правом. Анализируются позиции, имеющиеся в юридической литературе по данной проблеме, освещается правоприменительная практика. Предлагаются авторская позиция для понимания этого явления и предложение по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: злоупотребление субъективным правом; злоупотребление полномочиями; вред; общие и конкретные запреты.

В ряде современных государств возникают проблемы, связанные со злоупотреблением правом и полномочиями. В юридической литературе данная проблема является дискуссионной. Вызвано это тем, что имеющиеся научные публикации не раскрывают в достаточной мере особенностей проявления этого явления в различных отраслях права и не излагают четких оснований разграничения со смежными явлениями¹.

Актуальность проблемы злоупотребления правом обусловлена также и тем, что она связана с уровнем развития демократии, со стабильностью в государстве и обществе, с традициями уважения к закону, с правами человека и гражданина. Злоупотребления правом наиболее распространены в так называемых государствах переходного периода, где имеет место системная коррупция, где невысокий уровень работы правоохранительных органов.

В то же время злоупотребление правом может свидетельствовать о серьезных недостатках в нормотворческой деятельности государства. Когда такое явление носит массовый характер, его можно отнести к так называемым «системным или структурным проблемам» государства².

Злоупотребление правом. Можно говорить только о злоупотреблении субъективным юридическим правом, которое является мерой возможного поведения.

¹ Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.; Даровских О.И. Классификация злоупотребления правами в уголовном судопроизводстве; Пономарев В.Г. О сущности злоупотребления правом и его месте в уголовном законодательстве Российской Федерации; Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском и уголовном судопроизводстве: межотраслевой анализ.

² Подробнее см.: Северухин В.А. К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2013. № 2. С. 35–41; Он же. О классификации «системных или структурных проблем» в постановлениях ЕСПЧ // Там же. 2014. № 3. С. 8–19.

Злоупотребление правом свидетельствует о выходе управомоченного субъекта в своем поведении за пределы установленных границ, т. е. оно нарушает субъективные права других лиц.

Данная проблема исторически возникла с появлением самого права и института частной собственности. Она нашла отражение в позициях древнеримских юристов. На тот период времени руководствовались формулой: «*qui jure suo utitur neminem laedit (nullum damnum facit)* — тот, кто использует свое юридическое право, никому не причиняет противоправного вреда (не совершает правонарушения)»³.

Но порой возникали ситуации, когда собственник, реализуя предоставленные ему законом право владения, пользования и распоряжения имуществом, фактически ограничивал права других лиц. В качестве примера обычно приводится ситуация, когда собственник земельного участка, построив дом, затенял тем самым часть сада соседа или препятствовал проходу через свою территорию, не разрешал отводить воду по границам своего владения [7].

По мере развития социальных и экономических отношений, особенно после буржуазных революций, спектр субъективных прав граждан существенно расширился. Это повлекло актуализацию проблемы злоупотребления правом и необходимость ее решения на законодательном уровне. Так, термин «злоупотребления правом» появился во французской Декларации прав человека и гражданина. Германское гражданское законодательство запретило «шикану», т. е. в переводе с немецкого «каверзу», которая трактовалась как использование своего права в целях причинения вреда другому лицу. Необходимо подчеркнуть, что вред (зло) наносится специфически — через осуществление субъективного юридического права. Фактически предоставленное законом субъективное право используется субъектом как инструмент (способ) для ущемления прав другого субъекта. Чтобы противостоять этому явлению, оно должно быть запрещено нормами права. Иначе это явление, по мнению ряда авторов, следует признавать правомерным и оно может оцениваться лишь как нарушение норм морали.

В законодательстве Германии, Японии других государств имеются нормы, устанавливающие противоправность злоупотребления субъективными правами.

Международное право также содержит нормы, осуждающие возможность злоупотребления правом. Так, Европейская конвенция по правам человека осуждает возможность злоупотребления правом. В соответствии с пунктом 3 статьи 35 Европейской конвенции Европейский суд по правам человека объявляет неприемлемой любую жалобу, если сочтет ее злоупотреблением правом подачи жалобы, т. е. жалобой не для защиты прав, предусмотренных Конвенцией и Протоколом к ней, а в целях пропаганды, обретения известности, оскорбления государства-ответчика [1].

³ Латинская юридическая терминология. Строка 93. URL: http://na5ballov.pro/index.php?do=yur_lat&letter=q (дата обращения: 02.04.2015).

Злоупотребление субъективным правом в юридической литературе рассматривается в трех аспектах: как *правомерное деяние*, как *разновидность правонарушения* и как *самостоятельный вид правового поведения*. Раскрытие этих явлений — предмет исследования данной статьи.

Злоупотребление правом — явление негативное. Поэтому на законодательном уровне большинство государств устанавливают запреты. Эти запреты осуществляются в двух вариантах. Первый — путем *общего запрета*, т. е. на общеправовом или отраслевом уровнях. Так, пункт 3 статьи 17 Конституции РФ закрепляет: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [10: с. 3]. Аналогичные по смыслу запреты имеют место и в конституциях зарубежных стран, а также в нормах как гражданского, так и других отраслей права.

Второй вариант — *конкретные запреты*, т. е. запреты на конкретные деяния. К их числу можно отнести в качестве примера статьи 201–204, 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), регламентирующие злоупотребление полномочиями. Это уже совершенно иные правоотношения, которые расцениваются как преступления, ибо они содержат признаки состава преступления, которые устанавливает государство.

В случае отсутствия конкретного запрета злоупотребление правом не рассматривается как правонарушение. К лицу, злоупотребившему своим правом, могут быть применены меры, которые не связаны с юридической ответственностью. В сфере гражданско-правовых отношений суд может лишить лицо, злоупотреблявшее правом, того права, которым оно злоупотребляет.

А.А. Малиновский определяет злоупотребления правом как «...способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений» [6: с. 109]. Поясняя это определение, автор подчеркивает, что причинение вреда при осуществлении права в соответствии с его назначением не должно рассматриваться как злоупотребление правом. Такая трактовка представляется обоснованной лишь в отдельных случаях, предусмотренных законодательством, например: крайняя необходимость, необходимая оборона, обоснованный риск, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Любое правонарушение наносит ущерб общественным и личным интересам, влечет за собой негативные последствия и причиняет субъектам материальный или иной вред.

Сущность злоупотребления правом, как отмечает С.Г. Зайцева, в «легальной видимости», в результате которой формально отсутствуют нарушения предписаний нормативно-правовых актов. Однако лицо, реализующее субъективное право, нарушает принципы права либо равенство потенциальных возможностей субъектов, заложенных в праве, нарушается юридически признанная свобода других лиц [5].

Содержание термина «злоупотребление правом» в различные исторические периоды в законодательстве различных государств обозначалось по-разному. Так, советское законодательство использовало формулировку «осуществление права

в противоречии с его назначением»⁴. Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусматривает, что злоупотребление правом может быть квалифицировано любое «заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав».

С учетом многообразия гражданско-правовых отношений, обобщения судебной практики законодатель в 2012 году ввел в действующее российское гражданское законодательство запрет на «*обход закона*» с противоправной целью, что является формой злоупотребления правом. Это положение (п. 1 и 3 ст. 10 ГК РФ) [11] дополнило законодательно утвержденный принцип добросовестности. Введение термина «обход закона» предполагает определение его сущности, а также разграничение от иных правовых институтов. Применительно к гражданскому праву речь идет прежде всего о притворных сделках. По-видимому, отождествлять институт обхода законов и притворные сделки не следует, различия между ними по субъективной стороне деяния, т. е. по направленности воли лиц, участвующих в них. Действия, направленные на обход закона, можно рассматривать как злоупотребление правом с намерением причинить вред публичным интересам. В последней редакции ГК РФ термин «обход закона» не раскрывается. Думается, что здесь имеет место квалифицированное умолчание законодателя, который оставил этот вопрос для судебного толкования и усмотрения при решении конкретных дел.

Наиболее типичные примеры обхода закона дает анализ российской судебной практики:

- требование изменения условий договора аренды земельного участка в части его целевого назначения или разрешенного использования с целью обойти нормы о предоставлении земельного участка для строительства;
- требование признать право собственности на нежилое помещение, которое в действительности является жилым, с целью обойти процедуру перевода жилого помещения в нежилое;
- признание права собственности на самовольную постройку в случае неполучения (и непринятия мер к получению) застройщиком разрешения на строительство;
- признание права собственности на самовольную постройку третейским судом с целью последующей государственной регистрации права собственности (обход процедуры признания права собственности на самовольную постройку в судебном порядке и законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество);
- условие кредитного договора, прикрывающее «сложные проценты»⁵.

⁴ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (утв. Законом СССР от 08.12.1961). Ст. 5. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrf/gn-zakony/x1p.htm> (дата обращения: 10.09.2015).

⁵ Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров, утвержденного Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 146. URL: <http://mvf.klerk.ru/otvets/otv0149.htm>

Российское гражданское законодательство, кроме обхода закона и осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, относит к злоупотреблению правом действия, направленные на воспрепятствования осуществлению другим лицом его законного права. Статья 10 ГК РФ дает расширительное толкование злоупотребления правом, квалифицируя его как любое *«заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав»* [11: с. 53].

Исторически понимание злоупотребления правом формировалось как гражданско-правовое явление. При таком подходе к этому явлению вина рассматривалась лишь в форме прямого умысла. Косвенный умысел и неосторожность в контексте злоупотребления правом не рассматривались. Но по мере развития общественный подход к субъективной стороне злоупотребления правом изменился. В отраслевых юридических науках вина стала рассматриваться как в умышленной, так и в неосторожной формах.

В юридической литературе не сложилось единой позиции об отнесении злоупотребления правом к правомерному или противоправному поведению. В.П. Грибанов подчеркивал, что о злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда уполномоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права и используют такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права [2].

Рассматривать это явление можно лишь в тех случаях и на тех же основаниях, что и другие деяния. Не является правонарушением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Позицию законодателя, изложенную в пункте 2 статьи 14 УК РФ применительно к преступлению, можно интерпретировать к административной и гражданско-правовой ответственности. Значительная часть деяний по злоупотреблению правом малозначительны и оцениваются нормами морали.

Особенностью злоупотребления правом является то, что деяния совершаются субъектом посредством осуществления своего субъективного права. Фактически речь идет о способе или форме совершения деяния.

Ю.С. Васильев рассматривал злоупотребление субъективным правом в контексте взаимодействия права и морали. По его мнению, злоупотребление правом возникает в результате конфликта между внешне правильным использованием гражданином правовых возможностей и, в сущности, антиморальным общественным поведением⁶.

Отдельные ученые предлагают рассматривать злоупотребление правом вообще как самостоятельное явление [10]. Так, профессор А.С. Шабуров рассматривает его как самостоятельный вид правового поведения [8]. По мнению

⁶ Подробнее см.: *Васильев Ю.С.* Взаимодействие права и морали // Сов. государство и право. 1966. № 11. С. 18–20.

автора, субъект действует в рамках предоставленного ему субъективного права. Противоправность как основной юридический признак правонарушения в этом случае отсутствует. Автор подчеркивает, что злоупотребление не связано с нарушением конкретных запретов или невыполнением обязанностей. С позицией А.С. Шабурова и некоторых других авторов по этому вопросу вряд ли можно согласиться. В отраслевом законодательстве и нормах ряда конституций, как уже отмечалось, закреплён принцип, запрещающий злоупотребление правом. Терминологически он излагается по-разному. Но независимо от терминологии суть одна — не допускается использование субъективного права с нарушением субъективных прав других лиц.

Законодатель не в состоянии заранее предусмотреть многочисленные варианты деяний и их виды, установить на них запреты, которые могли бы ограничивать пределы реализации субъективного права. Рамки, которые ограничивают злоупотребления субъективным правом, содержатся в общих, конституционных и отраслевых принципах права. Но юридическая ответственность может наступить не на основе принципов, а по конкретным видам нарушений, закреплённых нормами права.

А.А. Малиновский даёт иную характеристику давно известным юридическим категориям (имеется в виду правомерное и противоправное поведение). Он рассматривает процесс осуществления права с точки зрения добра и зла и предлагает изучить природу правомерных, но безнравственных и социально вредных деяний [6]. Таким образом, автор относит злоупотребление правом к категории правомерного поведения и предлагает давать оценку этому явлению с позиции неправовых категорий, которыми являются «добро и зло». С такой трактовкой автора вряд ли можно согласиться. Негативная оценка государством деяний по злоупотреблению правом, а фактически их запрет, как мы уже отмечали, содержится в принципах права. Понимание специфики злоупотребления правом сформировалось таким образом, что если отсутствует самостоятельная норма, запрещающая злоупотребление конкретным правом и формы его проявления, то формально государство лишь вправе отказать в судебной или иной защите этого права. А.А. Малиновский отмечает: «Если посредством осуществления права произошло умаление не охраняемого законом блага, то перед нами *правомерное* (курсив наш. — В.С.) злоупотребление правом, которое не является правонарушением» [6: с. 85]. Согласиться с такими выводами не представляется возможным. Как уже отмечалось, «умаление не охраняемого законом блага» оценивается не только с точки зрения норм морали, но и норм-принципов конституции и принципов отраслевого законодательства, закрепляющих пределы реализации субъективных прав и недопущение злоупотребления ими. И даже терминологически название раздела в параграфе монографии А.А. Малиновского «Правомерное злоупотребление субъективным правом» представляется нам не совсем корректным.

Термин «общественная опасность» используется в российском законодательстве применительно к преступлениям и административным правонарушениям. Остальные правонарушения (гражданско-правовые, дисциплинарные и иные) характеризуются общественной вредностью (вредоносностью).

Принципиальной разницы между терминами «общественная опасность» и «общественная вредность» нет. Это объективные категории, в основе которых лежит «вред». Формы различные, а содержание остается неизменным. В юридической науке достаточно подробно описаны понимание форм проявления вреда и их классификация.

Л.Д. Воеводин, говоря о пределах осуществления прав и свобод, опирается на существующие в обществе социальные ценности, которые служат критериями и ориентирами для определения границ, дозволенного государством пользования правами и свободами [6: с. 109].

Общественная мораль, требования нравственности выступают в качестве основы для ограничения субъективных прав не только в законодательствах ряда зарубежных стран, но используются и в международных документах.

В качестве критериев для понимания пределов осуществления субъективного права некоторые российские авторы [3] стали популяризировать использование таких понятий, как *добросовестность*, *разумность* и др., которые, естественно, отрицать невозможно, но с точки зрения юридической практики в странах романо-германской правовой семьи и особенно с позиции исторически сложившейся в правопонимании и правоприменении в России представляются весьма расплывчатыми и трудно воспринимаемыми при оценке деяний.

О пределах осуществления субъективного права. Реализация субъективного права в ряде случаев невозможна без определенного ограничения субъективных прав других лиц. В таких случаях правоприменитель вынужден соотносить субъективное право одного лица с ограничением субъективного права другого лица.

Большинство форм злоупотребления правом оцениваются с позиции морали, так как вред от них незначительный. Но злоупотребление правом не следует рассматривать как застывшее явление. В зависимости от конкретных ситуаций в стране, от массовости и размера социального вреда от этих явлений, отдельные формы злоупотребления правом могут быть отнесены законодателем к правонарушениям. В качестве примера можно привести составы преступлений, предусмотренные статьей 201 «Злоупотребление полномочиями» и статьей 202 «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами», и др.

Попытаемся подвести некоторые итоги. Злоупотребление субъективным правом, если отсутствует самостоятельная норма, относят к *правомерным деяниям*. Считать его *разновидностью правонарушения* формально нет оснований.

С учетом распространенности этого негативного явления представляется необходимым высказать некоторые предложения. Злоупотребление правом лежит в плоскости «наличия права» у носителя субъективного права. Следовательно, сама норма права (диспозиция) недостаточно удачно сформулирована законодателем, если позволяет в рамках нормы осуществлять действия, ущемляющие права других субъектов права. Эта проблема лежит в сфере правотворчества, и в частности юридической техники.

Литература

1. Гомьен Д., Харрис Д, Зваак Л. Европейская конвенция по правам человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. 600 с.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. 411 с.
3. Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 3–46.
4. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. 160 с.
5. Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань: Поверенный, 2002. 150 с.
6. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
7. Протасов В.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. 344 с.
8. Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1998. 376 с.
9. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. 271 с.
10. Янев Янко. Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм). М., 1980. 31 с.

Literatura

1. Gom'en D., Harris D, Zvaak L. Evropejskaya konvenciya po pravam cheloveka i Evropejskaya social'naya xartiya: pravo i praktika. M., 1998. 600 s.
2. Gribanov V.P. Predely' osushhestvleniya i zashity' grazhdanskix prav. M., 1972. 411 s.
3. Dozhdev D.V. Dobrosovestnost' (bona fides) kak pravovoj princip // Politiko-pravovyy'e cennosti: istoriya i sovremennost' / pod red. V.S. Nersesyancza. M.: Editorial, 2000. S. 3–46.
4. Emel'yanov V.I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami. M., 2002. 160 s.
5. Zaiceva S.G. «Zloupotreblenie pravom» kak pravovaya kategoriya i kak komponent normativnoj sistemy' zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Ryazan': Poverenny'j, 2002. 150 s.
6. Malinovskii A.A. Zloupotreblenie sub'ektivny'm pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie). M, Yurлитinform, 2007. 352 s.
7. Protasov V.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebник dlya bakalavrov. M., Yura't, 2014. 344 s.
8. Teoriya gosudarstva i prava: uchebник / pod red. V.M. Korel'skogo i V.D. Pervalova. M., 1998. 376 s.
9. Yuridicheskaya otvetstvennost'. Tol'yatti, 1995. 271 s.
10. Yanev Yanko. Pravila socialisticheskogo obshhezhitiya (ix funkcii pri primenenii pravovyy'x norm). M., 1980. 31 s.

V.A. Severukhin

About the Problem of the «Legality» of Rights Abuse

This article analyzes the current problem that is the abuse of the subjective right. It analyzes the positions available in the legal literature concerning this subject and shows the law enforcement practice. The author's position for understanding this phenomenon and a proposal to improve existing legislation are given.

Keywords: abuse of subjective law; abuse of power; damage; general and specific prohibitions.

Т.М. Апостолова

Образовательные услуги: качество образования и правовые коллизии

Статья посвящена актуальным проблемам формирования понятия «образовательная услуга» в условиях действия нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Автор ставит под сомнение проработанность юридической стороны ряда актуальных новшеств данного закона, особенно тех позиций, которые связаны с оценкой качества образовательных услуг. Также поднимается вопрос о критериях оценки качества предоставляемых в образовании услуг.

Ключевые слова: закон; образование; образовательные услуги; качество услуг.

Служить бы рад, прислуживаться тошно...

А.С. Грибоедов. Горе от ума

Образовательная сфера в нашей стране постоянно реформируется, но, к сожалению, часто синонимами длящейся реформы являются слова «страдание» и «мука». Страдают все: работники системы образования, родители и, конечно же, дети, те, ради которых, казалось бы, эти перемены задумываются и осуществляются. Как это ни удивительно, а может быть, и справедливо, но свою долю страданий несут и те органы власти, должностные лица, которые призваны реализовывать положения реформ и преобразований. Связано это во многом с тем, что нет единого видения возможных результатов проводимых мероприятий, недостаточно проработана правовая основа преобразований, а порой и вообще отсутствует. В то же время для успешного осуществления любых перемен необходимы вдумчивая подготовка общественного мнения и детальная проработка правового механизма реализации новых идей и положений.

Образование — та сфера, которая в буквальном смысле волнует каждого гражданина, так как касается детей, их будущего. О правовом нигилизме и низком уровне правового просвещения в нашей стране уже написано многое. Почему же, учитывая данное обстоятельство, не обсудить предполагаемые изменения в системе образования до того, как их планируется осуществить?

Справедливости ради отметим, что перед принятием нового закона об образовании была предпринята попытка объявить его общественное обсуждение в сети Интернет. Результаты обсуждения показали, что наши граждане путаются в терминологии, смотрят на перспективы с обыденной точки зрения, никак не увязывают проекты с реальной жизнью. Недостаток информированности и компетентности, в том числе терминологической, определяют невозможность полноценно участвовать в обсуждении закона. Как следствие, процесс законотворчества остается в отрыве от социума.

В качестве примера приведем правовую коллизию, связанную с приемом граждан в высшие учебные заведения. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» был принят, и ряд форм обучения с 1 сентября 2013 года прекратили свое существование, но по правилам приема в 2013 году вузы сохраняли право набирать на эти формы. Каким образом будут обучаться студенты, например, набранные на экстернат, на сокращенные сроки обучения, было непонятно.

Важными для образовательного права категориями выступают такие понятия, как «качество образования» и «качество образовательных услуг». В обыденном сознании человека качество — это совокупность свойств какого-либо предмета или явления, обуславливающих пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с назначением этого предмета или явления. Поскольку в последнее время все чаще употребляется термин «качество образовательных услуг», то данная характеристика перешла из категории, близкой к нравственно-содержательной оценке получаемого нашими детьми образования, в категорию правовую.

В гражданском праве России под услугой подразумевается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности. Чтобы услуга стала услугой, она должна отвечать следующим условиям: быть деятельностью (т. е. активным процессом, имеющим временную протяженность); иметь результат (в нематериальном выражении); быть реализована в процессе деятельности; потребляться в процессе деятельности.

Под качеством услуги понимается комплекс ее полезных свойств, нормативно-технологических характеристик обслуживания, благодаря которым в той или иной степени удовлетворяются общественные и индивидуальные потребности. Понимание качества услуги включает в себя прежде всего экономическую и нормативно-правовую составляющие.

Полезными свойствами услуги выступают ее объективные характеристики, которые проявляются при ее потреблении, отвечают запросам и нуждам потребителей, а также соответствуют нормативно-правовым установкам.

Важное значение для оценки качества услуги приобретают потребительские свойства. Как отмечалось, потребительские свойства выражают реальное качество услуги и могут быть определены потребителем лишь в ходе обслуживания или после него.

Системно рассматривает влияние различных подходов оценки на примере качества образовательной услуги В.В. Кванина, которая пишет, что «качество образовательного процесса может быть представлено через качество таких компонентов, как управление образовательным процессом, учебно-методическое обеспечение, организация производственной практики, наличие компьютерных классов и комфортных для проведения занятий аудиторий, профессиональная деятельность профессорско-преподавательского состава и т. д. Качество результата обучения может быть представлено в виде соответствия полученных студентом знаний, умений, навыков требованиям ГОС, запросам работодателей, мироощущениям самого обучающегося» [1: с. 44].

Главным экспертом в определении реального качества услуги остается потребитель. Именно он выступает фигурой, на которую направлено обслуживание. Вместе с тем потребительская оценка услуги, опираясь на объективные ее свойства, содержит много субъективных моментов. Когда потребитель оценивает качество услуги, он сравнивает некоторые фактические параметры качества с ожидаемыми величинами. Если эти ожидания совпадают с запросами, то качество услуги признается потребителем удовлетворительным [3: с. 105]. При этом потребительские ожидания строятся на таких ключевых факторах, как личные потребности и интересы, прошлый опыт, внешние (реклама) и межличностные коммуникации (слухи, оценки близких людей). Воздействие многих из этих факторов способно серьезно исказить качественную сущность услуги.

Разные клиенты, по мнению Л.Б. Ситдиковой, предъявляют различные требования к выполнению каждой качественной характеристики услуги. Но клиенты, не имеющие специальных познаний в области запрашиваемых профессиональных услуг, не в состоянии адекватно оценить качество получаемой услуги. Именно поэтому оценка качества результата услуги всякий раз превращается в оценку качества ее предоставления, а значит, возникает вопрос о ее объективности. Этим эксперт объясняет условность конструкции «качество услуги» и отсутствие стандартной единой юридической или экономической дефиниции [2: с. 174]. Именно поэтому отсутствует строгий критерий качества услуги в главе 39 ГК РФ.

По нашему мнению, не следует считать оценку качества услуги потребителем полностью ошибочной, субъективной. Ведь он оценивает функционально-практические аспекты результатов услуги, что сразу делает его оценку наиболее значимой. Кроме того, взятые в целом потребители выступают коллективным субъектом оценивания, что также не может быть проигнорировано ни производителями услуг, ни контролирующими органами государства, даже, напротив, должно служить важным двигателем повышения качества услуг.

Вышесказанное определяет двусторонний подход к выявлению оценки качества услуги: учет производственно-физических показателей, которые поддаются количественной оценке и измерению, а также учет субъективных оценок потребителей. Последние в каждом отдельном случае зависят

от субъективным факторов: личных установок потребителя, а также от моды, национальных традиций и т. п. Вместе с тем сходные отзывы о качестве, высказанные тысячами потребителей, приобретают вполне объективный характер и должны расцениваться производителями услуг как неоспоримый факт (мониторинговый критерий).

В связи с тем, что Министерство образования и науки РФ намерено стандартизировать сферу услуг в области образования, возникает необходимость выработать критерии данной стандартизации. Если эти критерии предельно обобщить, то вероятна потеря качества нравственно-содержательного в целом ряде учебных дисциплин. Как, например, стандартизировать качество образовательных услуг по литературе и по физике одними средствами? Если задаться целью глубоко и продуманно обозначить некие стандарты применительно к каждой дисциплине, то осуществляться этот процесс будет достаточно долго, особенно в области гуманитарного образования (ярким тому примером являются поиски истины при написании учебника по истории России).

Вообще, надо заметить, что поиски критериев качества любой услуги как нематериальной субстанции — задача непростая. Как обобщить эти критерии в какой-либо одной области? Как облечь эти обобщения в законодательные рамки? Как правильно составить договор на осуществление таких услуг? Минимальные стандарты образовательных услуг заложены в федеральных государственных образовательных стандартах. Следовательно, необходима предметная юридическая помощь сфере образования в вопросах составления договоров на оказание платных образовательных услуг. Кстати, юридическое консультирование по правовым вопросам, касающимся сферы образования, остро необходимое направление, на сегодняшний день почти не развито.

В поисках ответа на данный вопрос невольно обращаешься к исторической традиции осуществления услуг. Например, до наступления эпохи новейшей истории оказание услуг было делом людей невысокого происхождения. В том числе и поэтому отношение к правовому регулированию данного вопроса в основном было не отработано. Скажем, оплата таких услуг производилась часто по договоренности, стало быть, нередко были случаи обмана в этом вопросе. Отношение к людям, осуществлявшим такие услуги (в том числе и к учителям), было сугубо потребительским и не всегда достойным.

Можно сколько угодно спорить, что сильнее: генетика или социализация. Истина, скорее всего, лежит посередине. Однако вряд ли даже за столетие наше общество смогло бы преодолеть синдром учителя-гувернера. Советская власть, как могла, пыталась поднять престиж учительской и преподавательской профессии, повысить статус образования вообще. Но теперь она в прошлом, а нынешняя капиталистическая эпоха не выстроила социальных парадигм. Получается, что деньги в современном мире — единственное мерило качества.

Однако сегодня законодательство активно подключается к регулированию вопросов качества предоставления услуг. Важная роль в системе управления

качеством услуг принадлежит принятым в последние десятилетия законам «О защите прав потребителей», «О стандартизации», «О сертификации продукции и услуг», «Об обеспечении единства измерений», а также о разработке государственных стандартов качества и др.

В современных условиях услуги могут быть проконтролированы и оценены непосредственно потребителями, если у них возникают претензии к их качеству. В этом случае взаимоотношения производителя и потребителя регламентируется законом «О защите прав потребителя», который фиксирует и защищает права потребителей на приобретение товаров и услуг надлежащего качества.

Нормативным условием обеспечения качества услуги выступает стандартизация. Закон Российской Федерации «О стандартизации» определяет меры государственной защиты интересов потребителей посредством разработки и применения нормативных документов по стандартизации. К обязательным для соблюдения требованиям государственных стандартов относятся требования, обеспечивающие безопасность продукции для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества людей, техническую и информационную совместимость, взаимозаменяемость продуктов, единство методов их контроля и единство маркировки и др.

Следующая мера ответственности за качество услуги — сертификация. Процедура, посредством которой третья сторона дает письменную гарантию, что продукция, процесс или услуга соответствуют заданным требованиям.

Еще одним рычагом контроля качества услуги служит лицензирование. Это процедура выдачи лицензий юридическим лицам или индивидуальному предпринимателю на право осуществления конкретного вида деятельности при обязательном выполнении определенных требований и условий. В России лицензируются такие виды сервисной деятельности, как телерадиовещание, аудиторская деятельность, производство драгоценных металлов и ювелирных изделий, медицинская и фармацевтическая, образовательная, ветеринарная деятельность, деятельность ломбардов и др.

Сегодня весь мир озабочен проблемой повышения качества производства, включая и производство услуг. Положительный результат повышения качества сервисной продукции важен для всех участников и сторон. В случае качественного сервиса государство получает расширенные экспортные возможности и валютные поступления. Кроме того, наиболее полно удовлетворяются потребности населения в услугах.

Заинтересован в качестве и потребитель: через улучшение качества услуг создаются более благоприятные условия обслуживания, расширяется и обновляется ассортимент изделий, спрос удовлетворяется меньшим количеством изделий, результат услуги приобретает для потребителя более длительный эффект.

Применяемый в сфере образования компетентностный подход предельно практичен в попытке обозначить хоть какие-то критерии качества полученного потребителем образования. Он в рамках Единого государственного экзамена (баллов за него) создает возможность (или невозможность) получения высшего обра-

зования, а в рамках Государственной итоговой аттестации в вузах и ссузах формирует некую возможность трудоустроиться по полученной профессии с достойной заработной платой.

Образовательные учреждения всех уровней образования достаточно активно реагируют на вводимые изменения. Переделывают учебно-методические материалы, изменяют порядок проведения итоговой государственной аттестации, уделяют существенное внимание подготовке к сдаче ЕГЭ и написанию выпускных квалификационных работ и т. д.

Однако правовое сопровождение большинства декларируемых Министерством образования и науки РФ перемен отстает от потребностей в их реализации.

Мы сегодня чувствуем себя на поле предоставления услуг, как саперы, которые только примерно знают план минирования местности. Приборы (читай — законы) вроде бы и есть, но и риск остается существенным. Ни для кого не секрет, что сегодня реальные и потенциальные потребители, например, образовательных услуг пользуются недостаточной проработанностью правовых аспектов предоставления и оценивания качества данных услуг и пытаются избежать оплаты за оказанные услуги, обвиняют образовательные учреждения в некачественном их предоставлении, имея часто очень приблизительные представления об этом качестве. Органы прокуратуры возбуждают административные и уголовные дела, не разбираясь полостью в этом вопросе и понимая, что никто в этом не разбирается, а значит, вполне можно поправить отчетность по раскрываемости экономических преступлений.

Литература

1. *Кванина В.В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в РФ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 47 с.
2. *Ситдикова Л.Б.* Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М., 2008. 339 с.
3. *Ситдикова Л.Б.* Критерии оценки качества в сфере оказания услуг // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Юридические науки». 2013. № 2 (12). С. 101–107.

Literatura

1. *Kvanina V.V.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie v sfere vy'sshego professional'nogo obrazovaniya v RF: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2006. 47 s.
2. *Sitdikova L.B.* Teoreticheskie i prakticheskie problemy' pravovogo regulirovaniya informacionny'x i konsul'tacionny'x uslug v grazhdanskom prave Rossii. M., 2008. 339 s.
3. *Sitdikova L.B.* Kriterii ocenki kachestva v sfere okazaniya uslug // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2013. № 2 (12). S. 101–107.

T.M. Apostolova

**Educational Services:
the Quality of Education and Legal Conflicts**

The article is devoted to the current problems of formation of the concept of «educational services» under the new law «about education». The author questions the elaboration of legal side of some current innovations of this law, especially those items that are associated with the assessment of the quality of educational services. It also brings up the issue of the criteria to assess the quality of educational services.

Keywords: law; education; educational services; quality of service.

Н.Е. Борисова

Конституционные приоритеты защиты прав ребенка

В статье проанализированы конституционно-правовые проблемы защиты прав ребенка. Сделан вывод, что правовое положение несовершеннолетних характеризуется не только установлением особого порядка реализации их прав, но и особым порядком ответственности, обусловленным ограничением юридических обязанностей несовершеннолетних, наряду с признанием в полном объеме их прав.

Ключевые слова: права ребенка; правосубъектность; ребенок; несовершеннолетний; Конституция; законодательство.

Понятие защиты прав ребенка сегодня прочно вошло в нашу жизнь. Настолько прочно, что мы порой забываем, что конкретно понимается под этой защитой. В современных условиях отношения к ребенку как самостоятельному субъекту права¹, от воспитания, образования, социализации которого зависит будущее любого государства, следовательно, и России, понятие «защита» применяется в его широком значении, включая закрепление необходимых для подрастающего поколения прав и свобод, механизм их реализации и, разумеется, конкретную защиту в случае нарушения прав ребенка.

Данное триединство (законодательное закрепление, механизм реализации и восстановление нарушенных прав ребенка) и составляет основу государственной политики в отношении несовершеннолетних.

Тема защиты прав ребенка имеет поистине многовековую историю. Вопросы реализации и защиты законных интересов и прав ребенка являются одними из самых сложных и трудноразрешимых в юридической практике. В свою очередь, особенность и специфика правового положения несовершеннолетних общепризнаны, что, собственно, и порождает необходимость повышенного внимания к одной из наименее защищенных категорий населения [1: с. 190].

Как известно, отношение человека к праву в его возможных ипостасях проявляется через категорию «правосубъектность». И если с правоспособностью несовершеннолетних все абсолютно понятно, поскольку возникает она с момента рождения, то объем, качество, полнота их дееспособности вызывают определенные вопросы. В этой связи считаем необходимым остановиться на некоторых проблемах. Подчеркнем, что для нас важна не столько теоретическая составляющая данной темы, сколько практическое значение уровня «разумения»,

¹ В соответствии с Конституцией РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17).

самостоятельности «дитя на подростке», в том числе с точки зрения определения ответственности подрастающего поколения, не только реализации принадлежащих ему прав и свобод, но и несения обязанностей несовершеннолетним как самостоятельным субъектом права.

В соответствии со статьей 60 Конституции РФ граждане РФ могут самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет [6: с. 639]. Именно с этим возрастом связано наступление всех показателей зрелости, куда входит зрелость физическая, определяемая физическим состоянием; психическая, свидетельствующая об умении разумно руководить своими действиями, и, наконец, что не менее важно, так называемая социальная, позволяющая самостоятельно участвовать в жизни общества.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) делит несовершеннолетних на три возрастные группы, причем первую группу — детей от рождения до 6 лет — относит к полностью недееспособным, без всяких исключений². Такая позиция ГК РФ и вызывает у нас определенные возражения. С точки зрения обыденного сознания трудно назвать ребенка 3–5 лет полностью недееспособным: как правило, он в состоянии понимать обращенные к нему слова, просьбы, требования, осознавать плохие и хорошие (в соответствии с возрастом) действия, более того, вместе со взрослым (или под его контролем) совершать мелкие сделки. Но главным представляется другое — закрепляя его полную недееспособность, мы приравниваем ребенка к объекту права.

В данном случае мы придерживаемся конституционного подхода к несовершеннолетнему как самостоятельному субъекту права. Определенный интерес представляет точка зрения, согласно которой понятие «самостоятельно осуществлять» не отождествимо с гражданской дееспособностью. В комментируемой статье Конституции РФ говорится о более широком явлении, нежели гражданская дееспособность, которая выступает лишь как частный случай общей способности гражданина самостоятельно осуществлять гарантированные государством права и налагаемые им обязанности [5: с. 404–405]. Не стоит забывать, что в ГК РФ принимается во внимание прежде всего сделкоспособность.

Разумеется, дети чаще вступают в фактические, а не общественные отношения. Однако они также участвуют в общественных отношениях и прямо, и опосредованно (через своих законных представителей, например), только закрепленный нормативом порядок взаимодействия сторон устанавливается с поправкой на особенности физического и психического развития, «неразумения» ребенка. Родители (и лица, их заменяющие) являются и фактически, и юридически представителями собственных детей. Как известно, ранее права ребенка институционализировались в основном через его семейно-правовой статус, поскольку считалось, что когда взрослый человек вступает в правоотношения не только от своего имени, но и от имени своих детей, то совпадение их интересов при этом презюмируется. К сожалению, произошедшие в нашей

² Гражданский кодекс РФ, статья 28 «Дееспособность малолетних».

стране за последние десятилетия коренные социально-экономические изменения выявили возможность несовпадения, а порой и противоположности интересов родителей и детей, что также актуализирует конституционное закрепление статуса несовершеннолетнего как самостоятельного субъекта права.

Учитывая, что физическая и психическая зрелость человека наступает не скоро после его рождения, в первое время своего существования человек, как и всякое другое существо, является совершенно беспомощным и без содействия других лиц фактически обречен на гибель. Необходимая помощь может быть организована в обществе двояким образом: входит в обязанности родителей и оказывается непосредственно государством и обществом, в котором человек рождается.

Дееспособность — не совсем природное свойство, а готовность к совершению определенных действий и поступков, предусмотренных законом; признанная законом способность нести обязанности. К данным действиям государство допускает всех и каждого, за исключением граждан, не способных совершать разумные действия, отдавать себе отчет в том, что и для чего они делают. Поэтому ради более гибкого правового регулирования отношений с участием этих лиц вводятся понятия полной и частичной дееспособности. Гражданским законодательством предусмотрено ограничение дееспособности. Оно распространяется, во-первых, на несовершеннолетних; во-вторых, на лиц, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими средствами.

Поэтому представляется важным, что при определении специфики дееспособности несовершеннолетнего корректнее будет использовать термин «неполная (или частичная) дееспособность», несмотря на установленную юридическую терминологию ограничения прав в законном порядке. Поскольку то, что в российском законодательстве несовершеннолетних ставят в один ряд с людьми, страдающими психическими расстройствами, нетрудоспособными взрослыми, косвенно, определенным образом умаляет правовой статус детей.

Для целостности восприятия правомочности несовершеннолетнего можно предложить следующую формулировку: его правоспособность дополняется дееспособностью родителя или его законного представителя. Отмечая сложность и тонкость правовых взаимоотношений детей и их законных представителей в части совпадения их интересов, необходимо сделать ряд акцентов [7: с. 77–85]. В процессе правового регулирования отношений между родителями (или лицами, их заменяющими) и детьми должны быть решены две взаимосвязанные задачи. Законодательство должно учитывать лично-доверительную природу отношений этих лиц, поэтому государственное вмешательство в эту сферу должно быть минимальным. С другой стороны, при угрозе интересам детей со стороны родителей или других членов семьи, не говоря уже о фактическом нарушении прав несовершеннолетних, должны включаться действенные юридические механизмы защиты этих прав. Следует также учитывать признаваемое многими специалистами в области семейного права фактическое юридическое неравенство детей и их законных представителей.

Даже с точки зрения возрастных, психологических, социальных и других характеристик отношения родитель – ребенок нельзя признать отношениями равных субъектов [3: с. 37–38].

Таким образом, специфика правоспособности и дееспособности несовершеннолетних в конституционном формате основывается на следующих ключевых положениях:

- ребенок, как и всякий человек, гражданин, обладает правоспособностью от рождения;
- из-за недостаточного возрастного физического и психического развития ребенок не может быть полностью дееспособным, т. е. он в полной мере не способен к осмысленному, действительному, волевому акту, предполагающему элемент ответственности;
- правовой вакуум в контексте обеспечения реализации интересов практически невозможен, следовательно, неполная дееспособность должна компенсироваться, дополняться дееспособностью взрослого или взрослых, в юридическом смысле, их (детей) законных представителей, обладающих полной дееспособностью.

В связи с вышесказанным надо иметь в виду, что, действительно, признание ребенка юридически самостоятельным субъектом права вовсе не означает практической реализации им самим всех принадлежащих ему прав и свобод. Нельзя забывать о понятии разумного в праве. Отсутствие нижнего возрастного предела вступления в брак не подразумевает выдачу замуж шестилетней девочки, так же как и наличие политических прав ребенка никак не сказывается на росте организации митингов и шествий малолетними детьми. Само понятие конституционного статуса ребенка никак не противоречит его семейному воспитанию, уважению родителей. В который раз не устанем повторять, что приоритет семьи в воспитании, образовании, становлении, развитии ребенка очевиден и бесспорен.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Согласно Конституции России общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Таким общепризнанным международным правовым актом является и Конвенция ООН «О правах ребенка». Обратим внимание, что в последнее время приходится слышать предложения даже об отмене данного конституционного положения. Применительно к Конвенции критику вызывает ее положение о «приоритете интересов ребенка над интересами государства». Кавычки в данном случае не означают цитирования Конвенции, это вольная «интерпретация» конкретной статьи 3 (ч. 1). А вот ее непосредственный текст: «Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Как видим, здесь нет «приоритета», речь идет о наилучшем обеспечении интересов детей. А разве это

противоречит в целом признанной основе государственной политики в отношении детей? Разве не в интересах любого государства заботиться о своем будущем?

В процессе исторического развития правового статуса несовершеннолетних прослеживается явная тенденция рассматривать недостижение ребенком определенного возраста не как средство ограничения его прав, а в качестве причины установления дополнительных гарантий их реализации, что также полностью соответствует духу российской Конституции 1993 года.

Нельзя не признать, что в конечном итоге исследование правового статуса ребенка, как и его реализация, направлено на защиту человеческого потенциала. «Масштабы и острота существующих проблем в сфере детства, возникающие новые вызовы, интересы будущего страны и ее безопасности настоятельно требуют от органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, гражданского общества принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты»³. Обсуждение вопроса о необходимости социальной и правовой защиты молодежи и несовершеннолетних затрагивает интересы не менее одной трети населения страны, причем той его части, с которой связаны рост, прогресс, поступательное движение во всех сферах общественного развития, что в конечном итоге отвечает государственным интересам.

Права, свободы, законные интересы и обязанности образуют основу (ядро) правового статуса, составляют его сердцевину [4: с. 237], определяют правовое положение личности в обществе, ее роль, возможности, участие в государственных делах. Данное положение закреплено в статье 64 Конституции России. Поскольку ключевые, определяющие права и свободы человека и гражданина, включая несовершеннолетнего, содержатся в конституционных нормах, то именно они имеют в определении правового положения ребенка решающее значение. Отсюда закрепление особой защиты прав ребенка в Конституции РФ придало бы его статусу гарантированность. Кроме того, от конституционного закрепления наиболее общих принципиальных положений, касающихся защиты прав детей, зависит их дальнейшая конкретизация в отраслевом законодательстве.

Как известно, в главе 2 Конституции РФ назван полный перечень прав и обязанностей, распространяемых либо на «каждого», либо на «гражданина РФ». Представляется, что гражданин Российской Федерации, которому не исполнилось 18 лет, может рассчитывать на распространение данных норм и на себя. Единственным основанием для ограничения вышеперечисленных прав и обязанностей несовершеннолетних является зафиксированный в законе возраст, с наступлением которого закон связывает возникновение тех или иных прав и обязанностей.

Что касается классификации конституционных норм применительно к детям [2: с. 40–52], то предлагается к первой группе отнести положения

³ Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15530> (дата обращения: 20.06.2015).

об основах конституционного строя, имеющие прямое отношение к защите прав и интересов несовершеннолетних. Во-первых, Конституция Российской Федерации провозглашает человека (независимо от возраста), его права и свободы высшей ценностью и устанавливает их признание, соблюдение и защиту обязанностью государства (ст. 2), причем социального, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7, п. 1). Во-вторых, раскрывает механизм реализации социальной политики в интересах детей путем обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 7, п. 2). Эти программные конституционные установления, являясь нормативными, оказывают общеобязательное регулирующее воздействие на перспективу развития общественных отношений посредством закрепления правовых ориентиров (каковым является, например, социальное государство), целевых установок для организации всего правового регулирования и правоприменительной деятельности.

Ко второй группе можно отнести конституционные нормы, посвященные детям непосредственно в прямой постановке. Речь идет о положениях, устанавливающих, что детство (как и материнство и семья) находится под защитой государства (ст. 38, п. 1), и забота о детях и их воспитании — равное право и обязанность родителей (ст. 38, п. 2); гарантирующих каждому социальное обеспечение для воспитания детей в случаях болезни, инвалидности, потери кормильца и прочее (ст. 39, п. 1); обязывающих родителей или лиц, их заменяющих, обеспечивать получение детьми основного общего образования (ст. 43, п. 4).

В очередной раз сделаем акцент на то, что в названных выше конституционных положениях ребенок (дети) рассматривается только вкупе с материнством, семьей, родителями, кормильцем. Объяснение этому надо искать, с одной стороны, в разумном приоритете семьи как естественной среды жизни и воспитания ребенка (о чем было сказано выше), с другой — в особенностях исторического развития законодательства о детях, в неограниченной родительской власти. Тем не менее можно утверждать, что настоящая Конституция рассматривает ребенка как самостоятельного носителя прав. Достаточно посмотреть на эволюцию правового положения ребенка в конституционном формате. Конституция (Основной закон) РСФСР 1937 года [6: с. 538–555] в главе 11 «Основные права и обязанности граждан», обеспечивая право на государственную охрану интересов матери и ребенка; широкую сеть родильных домов, детских яслей и садов; всеобщее обязательное начальное образование; бесплатность образования, включая высшее, фактически определила универсальный «маршрут» взросления ребенка: роддом – ясли – детский сад – школа – вуз (ст. 125, 126). Несмотря на то, что государственная охрана интересов матери и ребенка выступает здесь в качестве гарантии, способа обеспечения женщине равных прав с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, это можно назвать прогрессивным шагом в конституционном обеспечении прав ребенка.

В Конституции (Основном законе) РСФСР 1978 года [6: с. 556–586] говорится уже о правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства опять-таки в качестве мер обеспечения равных прав женщинам и мужчинам в РСФСР (ст. 33). В качестве новаций отметим статью 51, провозглашающую, что «семья находится под защитой государства»; статью 64, обязывающую граждан заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества и, что важно, обязывающую детей, причем независимо от возраста, заботиться о родителях и оказывать им помощь. Нашего внимания заслуживают положения статьи 40 Конституции об «особой заботе о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием» [6: с. 563].

Третью группу конституционных норм составляют положения Конституции РФ, регламентирующие права и свободы человека и гражданина, использующие формулу «каждый» (право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени, свободу совести, мысли и слова и многие другие), которые в равной степени касаются как взрослых, так и несовершеннолетних. В отношении ребенка диалектика процесса проявляется в том, что и сам правовой статус влияет на становление ребенка как личности.

Отдельного рассмотрения требует проблема ответственности несовершеннолетних. Очевидно, что формирование ответственности закладывается задолго до совершеннолетия. Поэтому, игнорируя вопрос об обязанностях несовершеннолетних, мы «приучаем» их к иждивенчеству и инфантильности, в результате чего проигрывает как общество, так и сами дети. Понятно, что основной объем ответственности возлагается на взрослого человека, и надо искать предел обязанности несовершеннолетних, но в сознании ребенка понятия прав и свобод (о чем так много говорят в последние годы, в том числе при знакомстве детей с Конвенцией о правах ребенка) должны быть неразрывны с обязанностями и ответственностью.

Правовое положение несовершеннолетних характеризуется не только установлением особого порядка реализации их прав, но и особым порядком ответственности, обусловленным ограничением юридических обязанностей несовершеннолетних, наряду с признанием в полном объеме их прав. К сожалению, дилетантский, упрощенный подход к преподаванию прав ребенка, основ прав человека самим детям также может привести к безответственности целого ряда подрастающих поколений, а далее к неуважению к закону и совершению правонарушения. Такой подход, на наш взгляд, также является следствием проявления нигилизма в отношении к ребенку как самостоятельному субъекту права в соответствии с Конституцией России.

Литература

1. *Борисова Н.Е.* Защита несовершеннолетних в правовых традициях России // *Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая*

практика: мат-лы ежегодной Междунар. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского (23 апреля 2015 г.) / под общ. ред. Д.А. Пашенцева; МГПУ. Рязань: Концепция, 2015. 569 с.

2. *Борисова Н.Е.* Правовое положение несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2013. 52 с.

3. *Борисова Н.Е.* Правовое положение несовершеннолетних в Российской Федерации. 3-е изд. М.: РГСУ, 2007. 138 с.

4. *Витрук Н.В.* Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. литература, 1985. 234 с.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. 706 с.

6. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII–XX веков: хрестоматия / сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ЮКЭА, 2000. 679 с.

7. *Нечаева А.М.* Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85.

Literatura

1. *Borisova N.E.* Zashhita nesovershennoletnix v pravovy'x tradiciyax Rossii // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly' ezhegodnoj Mezhdunar. nauch. konf. pamyati prof. F.M. Rudinskogo (23 aprelya 2015 g.) / pod obshh. red. D.A. Pashenceva; MGPU. Ryazan': Konceptsiya, 2015. 569 s.

2. *Borisova N.E.* Pravovoe polozhenie nesovershennoletnix i molodezhi v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2013. 52 s.

3. *Borisova N.E.* Pravovoe polozhenie nesovershennoletnix v Rossijskoj Federacii. 3-e izd. M.: RGSU, 2007. 138 s.

4. *Vitruk N.V.* Pravovoj status lichnosti v SSSR. M.: Yurid. literatura, 1985. 234 s.

5. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod obshh. red. V.D. Karpovicha. 2-e izd., dop. i pererab. M.: Yurait-M; Novaya pravovaya kul'tura, 2002. 706 s.

6. Konstitucionnoe pravo Rossii. Osnovny'e zakony', konstitucii i dokumenty' XVIII–XX vekov: xrestomatiya / sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk: YuKEA, 2000. 679 s.

7. *Nechaeva A.M.* Interesy' rebenka kak ob'ekt semejno-pravovoj zashhity' // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 1. S. 77–85.

N.E. Borisova

Constitutional Prioritize the Protection of Children's Rights

The article analyzes the constitutional and legal problems of protection of child rights. It is concluded that the legal status of minors is characterized not only the establishment of a special procedure for the realization of their rights, but also a special procedure for liability due to limitations of legal responsibility of minors, along with the recognition of the full extent of their rights.

Keywords: children's rights; the legal personality of the child; a minor; the Constitution; legislation.

И.Н. Куксин

Юридическое лицо — субъект российского уголовного права: новые реалии¹

В целях повышения эффективности борьбы с коррупцией Российская Федерация подписала ряд международных договоров, в которых возложила на себя обязанность ввести уголовную ответственность для юридических лиц, установленную во многих странах мира. В статье предпринята попытка обосновать введение в России уголовной ответственности юридических лиц. Изложены конкретные предложения по изменению и дополнению действующего Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; юридическое лицо; субъект преступления; международные обязательства.

Уголовное законодательство России² рассматривало и рассматривает преступление как социальное явление, при этом считается, что субъектом преступления может быть только человек, обладающий интеллектом и относительной свободой воли. Уголовная ответственность всегда строго персонифицирована, и поэтому не могут рассматриваться в качестве субъекта преступления группа лиц, организация, организованная группа. Такой подход до настоящего времени полностью соответствовал понятию преступления, его принципам, задачам и целям наказания.

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

² Акты Российской империи: Уголовное уложение 1903 года. Акты Российской Федерации (РСФСР): Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года; Уголовный кодекс РСФСР 1922 года; Уголовный кодекс РСФСР 1926 года; Уголовный кодекс РСФСР 1960 года; Уголовный кодекс РФ 1996 года. Акты Союза ССР: Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года; Положение о воинских преступлениях 1924 года; Положение о воинских преступлениях 1927 года; Положение о преступлениях государственных 1927 года; Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года; Закон об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 года; Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года.

Однако начиная с 90-х годов XX века в научной литературе стали появляться монографии, статьи, в которых предлагалось введение в отечественное уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц. Так, в монографии «Юридическая ответственность» высказано мнение о том, что «уголовное право в своих нормах и уголовно-правовая наука в своих понятиях признают коллективный субъект преступления через институт соучастия, через понятие “банда”» [6: с. 98]. В.Б. Волженкин, например, писал: «...есть определенные основания утверждать, что в недалеком будущем вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц вновь будет поставлен с достаточной остротой. Вряд ли российский законодатель останется в стороне и не отреагирует на заметную тенденцию расширения ответственности корпораций в зарубежном законодательстве» [1: с. 23].

В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц в том или ином виде существует в законодательстве государств всех континентов и всех правовых традиций: в Австралии, Великобритании, Бельгии, Венгрии, Дании, Индии, Израиле, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канаде, Кении, Китае, Корее, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Пакистане, Польше, Румынии, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии и т. д. И с каждым годом число таких стран растет [4: с. 11].

На постсоветском пространстве она установлена в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Латвии, Литве, Молдове, Украине и Эстонии. В настоящее время вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц прорабатывается в Казахстане, Киргизии и Узбекистане [5].

Институт уголовной ответственности юридических лиц известен также правовым системам мусульманских стран (Албания, Иордания, Ливан, Сирия) и социалистического Китая.

Как свидетельствуют проведенные в последние годы исследования зарубежного законодательства, уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена более чем в 50 странах мира [5]. Поэтому сложно согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что «не все то, что имеется в других правовых системах, например, англо-американской или мусульманской, приемлемо для российского уголовного права» [2: с. 260].

История подготовки ныне действующего Уголовного кодекса РФ засвидетельствовала тот факт, что в одном из вариантов проекта была введена специальная глава об ответственности юридических лиц. Авторы в пояснительной записке обосновывали это нововведение тем, что привлечение к ответственности физических лиц — руководителей организаций за вред, причиненный этими организациями «по существу является объективным вменением, так как указанные лица, как правило, действовали в соответствии со сложившейся практикой. К тому же вред, причиняемый

юридическими лицами... несоизмерим с размером вреда, причиненного отдельными гражданами» [3: с. 53].

Приведенные и подобные высказывания и предложения вызывали критику со стороны оппонентов, а ссылка на зарубежный опыт ими признана неубедительной. Анализ истории становления российского уголовного законодательства свидетельствует, что оно никогда не знало ответственности юридических лиц. Главное здесь состоит в том, что такие понятия и институты, как преступление, вина, цели наказания, общие начала назначения наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, формулировались применительно только к физическим лицам. Таким образом, закреплялся принцип личной ответственности.

Несмотря на все доводы противников, отрицающих введение уголовной ответственности для юридических лиц, вопрос о их признании в качестве субъекта некоторых преступлений заслуживает более глубокой теоретической проработки и аргументации для практического его решения.

Во-первых, во главу угла надо поставить реалии новых экономических отношений. То, что вчера было незыблемым, сегодня претерпевает изменения, под влиянием экономических процессов происходят перемены в общественных отношениях, и право, воплощая общую (согласованную) волю участников общественных отношений, способствует развитию тех отношений, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и общество в целом. Очевидно, что общественная опасность правонарушений в сфере экономической деятельности, связанная с коррупцией, с незаконным выводом капитала за рубеж, невозможностью возврата из-за рубежа вывезенных и спрятанных капиталов, нажитых преступниками со стороны юридических лиц, возрастает. Это не соответствует принципу социальной справедливости, когда общественно опасные последствия правонарушения причиняют существенный вред обществу.

В СССР, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц не могла быть введена по определению, потому что такой подход противоречил бы характеру господствующих экономических отношений.

Совсем иная картина сложилась при переходе России к рыночной экономике. Уголовное право рыночного развития направлено на защиту принципиально новых экономических отношений. Это обстоятельство объективно привело к отказу «...от признания уголовно наказуемыми деяния-ми спекуляции (ст. 154 УК РСФСР), спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами (ст. 88 УК РСФСР), ведения паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР), устранение (к устранению. — *Примеч. авт.*) деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (гл. 2 Особенной части УК РСФСР)

и в отношении личной собственности граждан (гл. 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений, а сегодня он [институт] с неизбежностью повлечет введение уголовной ответственности юридических лиц» [5].

Таким образом, современные реалии таковы, что не считаться с новыми экономическими процессами, со становлением и развитием рыночной экономики — значит плыть против течения. Именно это обстоятельство диктует введение в российское уголовное законодательство уголовной ответственности юридических лиц. Установление уголовно-правовых запретов для организаций, а также санкций за их нарушение позволит создать эффективный механизм противодействия преступности юридических лиц. В настоящее время уголовная ответственность за совершаемые преступления в интересах юридических лиц либо с использованием их финансовых или иных возможностей в полном объеме возлагается на физическое лицо, что не соответствует принципу справедливости уголовного наказания. Более того, при таком подходе у компании фактически отсутствует мотивация к соблюдению закона, особенно в тех ситуациях, когда отступление от требований закона позволяет извлечь экономическую выгоду. Автор разделяет позицию тех ученых, которые считают, что «институт уголовной ответственности юридических лиц необходим в тех уголовных преступлениях, в которых отдельный человек как преступник отходит на второй план, а юридическое лицо выдвигается на первый план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные и иные выгоды от преступной деятельности» [4: с. 11]. Речь идет прежде всего об экономических преступлениях, которые уже не выступают индивидуальным актом, так как это деятельность юридического лица как такового. И осуществляется эта деятельность не только руководителями, менеджерами, представителями, но и рядовыми сотрудниками юридического лица.

Основываясь на анализе практики расследования уголовных дел за последние годы, связанных с авиационными катастрофами, крушением судов, крупными авариями на угольных шахтах и иных промышленных объектах, выбросами и утечками в окружающую среду опасных для жизни и здоровья населения веществ, повлекшими человеческие жертвы, напрашивается однозначный вывод, что причинами, вызвавшими указанные последствия, явились необоснованная экономия на закупку оборудования, обеспечивающего безопасность производства, а также экономия на обучении (повышении квалификации) обслуживающего персонала и др.

Согласно действующему законодательству за наступление указанных социально опасных последствий уголовно-правовому воздействию подвергается только физическое лицо. Что касается организаций, то они возмещают лишь причиненный ущерб. Более того, такие организации обычно не останавливаются

ни перед чем, чтобы получить большие денежные выгоды, и часто их деятельность сопровождается совершением мошенничеств, уклонением от уплаты налогов, фиктивными банкротствами, отмыванием денег, недобросовестной конкуренцией, преступлениями против прав потребителей, иными преступлениями, приносящими экономическую прибыль. Установление за подобные и иные правонарушения уголовной ответственности юридических лиц позволит сместить акцент наказания в сторону неблагоприятных последствий для организаций, которые наряду с физическим лицом будут нести ощутимые материальные и иные потери.

Во-вторых, введение уголовной ответственности юридических лиц диктуется не только внутренними проблемами, но и внешними. Россия не только подписала, но и ратифицировала ряд конвенций, которые обязывают ее установить ответственность юридических лиц за причастность к транснациональным преступлениям.

В частности, обязанность ввести ответственность организаций за преступления коррупционной направленности, коммерческий подкуп, а также за легализацию доходов, полученных от этих преступлений, предусмотрена Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999, ратифицирована Федеральным законом от 25.07.2006 № 125-ФЗ) (URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121544>), Конвенцией ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4, ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ) (URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/), Конвенцией ОЭСР «О борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных деловых операций» (заключена 21.11.1997, Российская Федерация — ее участник) (URL: <http://pasm.ru/archive/83095>).

Обязанность установить ответственность юридических лиц за указанные преступления, а также за неправомерный доступ к компьютерной информации и ее изменение, за торговлю людьми и организацию незаконной миграции сформулирована в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25, ратифицирована Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ) (URL: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121543>) и дополняющих ее протоколах (о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, а также против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху).

Обязательства государств ввести санкции для юридических лиц за причастность к преступлениям, направленным на финансирование и иные формы поддержки терроризма и экстремизма, предусмотрены Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999, ратифицирована Федеральным

законом от 10.07.2002 № 88-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма») (URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=42234>), Европейской конвенцией о пресечении терроризма (подписана от имени Российской Федерации в г. Будапеште 7 мая 1999 г., ратифицирована Федеральным законом от 07.08.2000 № 121-ФЗ) (URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15918>).

Соответствующие рекомендации содержатся также в документах ОЭСР³, ФАТФ⁴ и ГРЕКО⁵, которые в своих докладах систематически указывают на неисполнение Россией международно-правовых обязательств в этой части.

В настоящее время научные споры вокруг проблемы о введении уголовной ответственности юридических лиц подошли к пиковой отметке и перешли в плоскость практического решения. Подготовленный законопроект Следственным комитетом РФ и при поддержке Федеральной службы по финансовому мониторингу и Центрального банка России внесен на рассмотрение в Комитет Государственной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству.

Данный законопроект предусматривает внесение в законодательство Российской Федерации ряда правовых норм, которые в своем единстве образуют институт уголовной ответственности юридических лиц. В частности, предложенная система норм включает в себя положения, определяющие основания уголовной ответственности юридических лиц, круг организаций, подлежащих уголовной ответственности, виды наказаний, применяемых в отношении виновных организаций, основания освобождения их от наказаний, правовые последствия осуждения юридических лиц, а также уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные механизмы реализации соответствующих уголовно-правовых норм. Так, в Общую часть Уголовного кодекса РФ (УК РФ) законопроект вводит новую главу 14.1 «Уголовная ответственность и наказание юридических лиц», которая включает в себя 18 статей⁶ и вносит изменения и дополнения в четыре статьи (ст. 19, 24, 32, 75.1

³ ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития (1948).

⁴ ФАТФ — Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (1989).

⁵ ГРЕКО — Группа государств по борьбе с коррупцией (1999).

⁶ Статьи УК РФ: 96.1. Общие условия уголовной ответственности и наказания юридических лиц; 96.2. Юридические лица, подлежащие уголовной ответственности; 96.3. Вина юридического лица; 96.4. Невинное причинение вреда юридическим лицом; 96.5. Категории преступлений, наказуемых для юридических лиц; 96.6. Особенности освобождения юридического лица от уголовной ответственности; 96.7. Соучастие юридических лиц в преступлении; 96.8. Виды наказаний, назначаемых юридическим лицам; 96.9. Предупреждение; 96.10. Штраф; 96.11. Лишение лицензии, квоты, преференций или льгот; 96.12. Лишение права заниматься определенным видом деятельности; 96.13. Запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации; Статья 96.14. Принудительная ликвидация; 96.15. Обстоятельства, учитываемые при назначении наказания юридическому лицу; 96.16. Ограничения и запреты, связанные с уголовной ответственностью юридического лица; 96.17. Особенности погашения судимости юридического лица; 96.18. Меры уголовно-правового характера в отношении фиктивного юридического лица.

УК РФ). Что касается Особенной части, то предполагается внести дополнения и изменения в 39 статей⁷.

Если исходить из мировой практики, то она свидетельствует, что, с одной стороны, область применения уголовной ответственности юридических лиц постоянно расширяется, а с другой — предложенный законопроект перечень статей является ограничительным и наиболее оптимальным и либеральным.

Таким образом, разработка и внесение законопроекта об уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство обусловлено внешнеполитическими и юридическими обстоятельствами. С учетом того, что Россия взяла на себя обязательство ввести ответственность организаций за преступления коррупционной направленности, коммерческий подкуп, а также за легализацию доходов, полученных преступным путем, установление уголовной ответственности юридических лиц позволит привести уголовное законодательство Российской Федерации в соответствие с международными нормами. Установление уголовной ответственности организаций,

⁷ Статьи УК РФ: 120. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации; 127.1. Торговля людьми; 127.2. Использование рабского труда; 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем; 174.1. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления; 184. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса; 189. Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники; 204. Коммерческий подкуп; 205. Террористический акт; 205.1. Содействие террористической деятельности; 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма; 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нем; 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; 210. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней); 212. Массовые беспорядки; 220. Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами; 242.1. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних; 242.2. Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов; 271. Нарушение правил международных полетов; 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации; 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ; 277. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; 278. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти; 279. Вооруженный мятеж; 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 281. Диверсия; 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; 282.1. Организация экстремистского сообщества; 282.2. Организация деятельности экстремистской организации; 283.1. Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну; 289. Незаконное участие в предпринимательской деятельности; 291. Дача взятки; 312. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации; 315. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта; 322.1. Организация незаконной миграции; 354. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; 355. Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; 359. Наемничество; 360. Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

особенно за транснациональные преступления, повлечет пересмотр доктрины о личной ответственности физического лица за совершение преступления. В прежней доктрине юридическое лицо рассматривалось как орудие преступления, которое используется физическим лицом для достижения преступной цели. Прежний взгляд на государственные организации был таков, что они не могут создаваться и функционировать в целях, противоречащих нравственности и основам правопорядка. Такой подход занижает роль юридического лица в механизме преступного события. Поэтому, если исходить из практики национального законодательства большинства зарубежных государств, то установление уголовной ответственности для организаций основывается на принципах автономии воли юридического лица при совершении им преступления (воля юридического лица реализуется органами его управления) и самостоятельной уголовной правосубъектности организации (способности подлежать уголовной ответственности).

Если проект станет законом, то значительно расширится возможность применения российского уголовного законодательства на основе универсального и реального принципа действия уголовного закона в пространстве. Создаются правовые условия для экстерриториального уголовного преследования находящихся за рубежом международных организаций и иностранных юридических лиц за преступления, посягающие на интересы Российской Федерации. Отсутствие в национальном законодательстве правового механизма привлечения юридических лиц к уголовной ответственности исключает возможность возвращения нажитого на территории Российской Федерации преступного капитала, вывезенного за рубеж и поставленного на баланс иностранной организации. Для того чтобы истребовать это имущество для передачи его потерпевшему либо его конфисковать, требуется решение российского суда, который должен установить вину этой организации в совершении транснационального преступления, а не физического лица.

Противники введения уголовной ответственности юридических лиц в качестве контраргументов выдвигают тезис, что в настоящее время российское законодательство предусматривает административную ответственность юридических лиц, и в дополнительной уголовной ответственности нужды нет. Ранее было отмечено, что в тех ситуациях, когда нарушение позволяет компании извлечь экономическую выгоду, у них, как правило, отсутствует мотивация к соблюдению закона. В настоящее время отдельные правонарушения подпадают как под сферу действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП), так и под сферу действия УК РФ. В качестве примера можно привести статью 19.28 КоАП и статью 291 УК РФ. Так, при даче взятки в интересах юридического лица виновное в преступлении физическое лицо подлежит ответственности по статье 291 УК РФ, а организация, в интересах которой действовало это лицо, — по статье 19.28 КоАП. Этот пример наглядно показывает, что за одно и то же деяние возбуждаются дела по двум видам производства: уголовное, которое направлено на преследование физического лица, а другое —

административное для привлечения к ответственности юридического лица. Не правда ли, создается парадоксальная ситуация — одно деяние определяется в законе как преступление, другое — как административное правонарушение. Водоразделом социальной опасности деяния служит объект правонарушения (общественные отношения, на которые посягает правонарушение). Сегодня, когда российское общество нацелено на жесткую борьбу с коррупцией, мздоимством, участие в преступлении юридического лица, воля которого направлена на достижение преступного результата, значительно повышает общественную опасность. Данный субъект обладает несоизмеримо большими финансовыми, организационными и иными возможностями для подготовки, совершения и сокрытия преступления, чем отдельное физическое лицо или даже группа физических лиц. Если посмотреть на данный пример с позиции доказывания, то здесь можно увидеть ряд трудностей. Например, в рамках административного судопроизводства не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, без которых невозможно установить причастность юридического лица к данному деянию. А чтобы доказать факт передачи взятки по делам о незаконном вознаграждении от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП), требуется оперативное документирование данного события.

Таким образом, решение указанной проблемы видится не посредством совершенствования российского законодательства об административных правонарушениях, а введением уголовной ответственности для юридических лиц.

Изложенное позволяет сформулировать некоторые выводы по дальнейшему реформированию российского уголовного законодательства.

1. Введение уголовных норм для организаций и адекватных санкций за их нарушение позволит создать эффективный механизм противодействия преступности юридических лиц. Данный подход устраняет мотивацию компаний к несоблюдению законов, когда его нарушение позволяет извлечь экономическую прибыль. Предложенный правовой институт значительно повысит превентивную роль уголовного закона в предупреждении прежде всего экономических преступлений.

2. С учетом того, что Российская Федерация ратифицировала ряд конвенций, за причастность юридических лиц к транснациональным преступлениям она обязана установить для них уголовную ответственность и тем самым привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами.

3. Установление только административной ответственности юридических лиц не заменяет их уголовную ответственность. Введение уголовной ответственности за деяния, влекущие общественно опасные последствия, позволит сместить акцент наказания в сторону неблагоприятных последствий для организаций, которые наряду с физическим лицом будут нести ощутимые материальные и иные потери. Кроме того, возможности доказывания в рамках уголовного судопроизводства по сравнению с административным судопроизводством будут весьма расширены.

4. С учетом возрастающей общественной опасности компаний-однодневок и других корпоративных образований введение института уголовной ответственности юридических лиц позволит, во-первых, эффективно противодействовать их преступной деятельности и, во-вторых — перекрыть каналы перехода наличных денежных средств в теневые секторы экономики, что не только влечет за собой отток капитала за рубеж, но и снижает инвестиционную деятельность.

Литература

1. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. 40 с.
2. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 1999. 577 с.
3. Пояснительная записка к проекту УК РФ // Российская юстиция. 1994. № 6. 53 с.
4. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н.А. Голованова, В.И. Лафитский, М.А. Цирина; отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013. 372 с.
5. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления. М.: Норма, 2015. С. 55–63.
6. Хачатуров Р.П., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: МАББД, 1995. 200 с.

Literatura

1. Volzhenkin B.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix lic. SPb., 1998. 40 s.
2. Kurs ugolovnogogo prava. Obshhaya chast': uchebnik dlya vuzov. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Zerczalo-M, 1999. 577 s.
3. Poyasnitel'naya zapiska k proektu UK RF // Rossijskaya yusticiya. 1994. № 6. 53 s.
4. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix licz v mezhdunarodnom i nacional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) / N.A. Golovanova, V.I. Lafitskij, M.A. Cirina; отв. red. V.I. Lafitskij. M., 2013. 372 s.
5. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskix licz za korrupcionny'e prestupleniya. M.: Norma, 2015. S. 55–63.
6. Xachaturov R.P., Yagutyayn R.G. Yuridicheskaya otvetstvennost'. Tol'yatti: MABBD, 1995. 200 s.

I.N. Kuksin

Legal Entity as a Subject of the Russian Criminal Law and New Realities

In order to increase the efficiency of fight against corruption the Russian Federation signed a number of international treaties, which assumed the obligation to introduce criminal liability for legal persons established in many countries of the world. The article attempts to justify the introduction in Russia of criminal liability of legal persons. set out specific proposals for changes and amendments of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability; a legal entity; the subject of crime; international commitments on the introduction of criminal liability of legal persons.

А.А. Чеботарева

Информационная безопасность личности в системе информационных прав и свобод

Автором поднимается проблема информационной безопасности личности в условиях развивающихся информационных отношений на современном этапе. Подчеркивается, что в системе информационных прав и свобод праву на информационную безопасность должно отводиться далеко не последнее место. Возрастающие требования к обеспечению информационной безопасности личности требуют адекватного правового регулирования, учитывающего сбалансированность интересов государства, общества и отдельного индивида в информационной сфере.

Ключевые слова: информационное общество; электронное государство; информационные права и свободы; информационная безопасность; кибербезопасность.

Глобальное информационное общество немыслимо без «второй стороны медали» — действенного механизма защиты основополагающих информационных прав и свобод. Акцентируя внимание на информационных правах развивающегося информационного общества в России, нельзя не согласиться с замечанием Д.А. Пашенцева, что сегодня и на международно-правовом, и на научно-доктринальном уровнях признано, что права человека играют основополагающую роль во взаимоотношениях личности и государства [2: с. 20]. Проецируя этот тезис на современное информационное общество, можно с уверенностью говорить о важнейшей роли основных информационных прав и свобод в процессе взаимоотношений личности и государства электронного. При этом речь идет не только о признании таким государством определенной системы информационных прав и свобод, но также — что важнее — о гарантированности за счет действенных механизмов их защиты.

Развивающееся электронное государство закрепляет и естественные права человека, и позитивные права, непосредственно устанавливающие его правила поведения в складывающихся, усложняющихся информационных отношениях.

В понятие информационных прав и свобод мы вкладываем следующее содержание: совокупность правомочий различных субъектов в информационной сфере, а именно в области поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, применения информационных технологий и обеспечения защиты информации.

Приоритетная задача обеспечения благоприятного правового режима информационных прав и свобод должна решаться на уровне национального информационного законодательства и способствовать созданию полноценного международного режима таких прав.

В отличие от естественных, основных, неотчуждаемых информационных прав, таких, как названное «драгоценным правом» Декларацией прав человека и гражданина 1789 года и закрепленное статьей 29 Конституции России «свободное выражение мысли и мнения», иные права, приобретенные (или приобретаемые сегодня), отличаются режимом отчуждаемости, а также нахождением в прямой зависимости от государственного признания. К примеру, такие права, как право на защиту персональных данных, право на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде, признаны государством путем принятия специальных законов.

К числу базовых информационных прав относятся:

- 1) право на информацию как фундаментальное конституционное право человека (ст. 55, ч. 4 ст. 29, ч. 5 ст. 29 Конституции РФ);
- 2) право на информационную безопасность;
- 3) право на обеспечение защиты информационных прав и свобод.

По аналогии: как понятие безопасности, являясь широким, сужается в зависимости от контекста, так и, в свою очередь, понятие информационной безопасности как основополагающего понятия информационного права и важнейшей составляющей национальной безопасности в целом — также весьма широко. Это связано прежде всего с тем, что состояние достижения информационной безопасности может рассматриваться как потребность не только государства, но и других субъектов информационных отношений: граждан, юридических лиц, а также технологических механизмов, систем, информационно-коммуникационных технологий — объектов информационной безопасности [1: с. 258].

Полагаем, что в одном ряду с такими понятиями, как «безопасность», «национальная безопасность», «информационная безопасность», находится понятие «информационная безопасность личности». При этом проблема информационной безопасности личности в условиях глобальной информатизации обостряется с каждым годом, ставя перед информационным обществом, перед законодателем все новые и новые задачи. Проблема возможности правовой регламентации современным законодательством права на «цифровое забвение» («права быть забытым»), реализация в условиях развивающихся информационных отношений в сети Интернет права на неприкосновенность частной жизни, неоднозначность решения вопроса хранения персональных данных российских граждан зарубежными интернет-сервисами. Это только часть вопросов, вызывающих многочисленные дискуссии сегодня.

Решенный на территории Евросоюза вопрос с правом на так называемое «цифровое забвение» России требует серьезного обсуждения и в нашем государстве. В отношении персональных данных, информации, затрагивающей сугубо личные интересы конкретной личности, возможность права на забвение не должна исключаться.

Данное решение не было простым и для Евросоюза. Несмотря на то что такое право было заложено в Директиве 95/46/ЕС о защите персональных

данных (URL: <http://www.internet-law.ru/intlaw/books/smi/3496.htm>), на практике оно не соблюдалось и стало возможным только после постановления Европейского суда по жалобе испанца Марио Костеха Гонсалеса на действия Google. Отсутствие единообразного подхода среди стран Евросоюза тем не менее дает возможность Google и сегодня исполнять директиву далеко не во всех странах. Сама возможность такой личной цензуры воспринимается Европой неоднозначно.

Интересен механизм принятия решений Google по реализации «права быть забытым». На конференции о конфиденциальности данных в Берлине представитель Google Петер Флейшер дал уникальную возможность получить представление о механизме принятия решений в компании. Стало известно, что почти каждую среду ведущие специалисты Google в Европе собираются и решают, какую информацию из результатов поиска можно удалить, при этом за год компания получила 250 000 запросов, касающихся 920 000 ссылок. Компанией разработаны определенные критерии принятия решений, разграничивающие подход к обеспечению «права быть забытым» рядовых граждан, например, совершивших когда-то преступления, и с которых впоследствии была снята судимость, и граждан-политиков, общественных деятелей, медийных фигур. Такой подход представляется вполне оправданным.

Глобальное информационное пространство таит в себе немало угроз личной информационной безопасности, между тем в условиях благоприятной информационной среды наряду с общественными, публичными интересами, контролируруемыми государством, должно учитываться и личное (частное, приватное, интимное). Концепция информационного общества в основе своей должна содержать признание статуса личности, субъекта информационных отношений как определяющего элемента всей «архитектуры» такого общества. Именно поэтому активизация и глобализация информационных взаимодействий в обществе диктуют иные, повышенные требования к обеспечению информационной безопасности личности.

Интересы общества в информационной сфере заключаются в удовлетворении всех ее возможных потребностей — в обеспечении права на доступ к информации, в возможности участия гражданина в правотворческой деятельности, в том числе за счет развития механизмов электронной демократии, в возможности получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в реализации права на защиту с помощью механизмов электронного правосудия и т. п.

Между тем процессы внедрения информационных технологий, развития информационного общества во всех его проявлениях напрямую сдерживаются, часто не поддерживаются гражданами ввиду отсутствия действенных механизмов и гарантий обеспечения безопасности личности.

Представляется состоятельным выделять, точнее — отделять от общего понятия информационной безопасности понятие информационной безопасности

личности, перенося акцент с традиционной доминанты — публичных интересов — в сторону решения проблемы учета важнейшего вопроса защиты информации, обеспечивающей личную безопасность. Речь идет в том числе и о так называемой информационно-психологической безопасности, состоянии защищенности сознания и психического здоровья человека, обеспечивающего его целостность как социального субъекта, возможности адекватного поведения и личностного развития в условиях неблагоприятных информационных воздействий. Под информационной безопасностью личности понимают также совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты ее конституционных прав и свобод от внутренних и внешних угроз в информационной сфере.

Напомним, что в числе ожидаемых результатов реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»¹:

– обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе права каждого человека на информацию;

– достижение такого уровня развития технологий защиты информации, который обеспечивает неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа.

В рамках программы предусмотрено выполнение подпрограммы «Безопасность в информационном обществе», цель которой — создание инфраструктуры, обеспечивающей информационную безопасность государства, граждан и субъектов хозяйственной деятельности.

В связи с вышеизложенным подчеркнем, что одной из первостепенных задач законодателя должен стать поиск действенных механизмов защиты информационных прав и свобод. Само существование электронного государства должно давать возможность субъектам информационных отношений защитить свои права и интересы. При реализации информационных прав и свобод важно, в какой мере отраслевое законодательство соответствует реалиям складывающихся отношений в данной сфере. В конечном итоге, информационное право должно стремиться к такому уровню своего развития, когда о конкретных информационных правомочиях можно судить по закрепленным отраслевым законодательством гарантиям их осуществления.

Отсутствие должного внимания со стороны законодателя к проблемам информационной безопасности личности напрямую сдерживает процесс развития информационного общества, не способствует полноценной реализации интересов личности в процессе формирования электронного государства.

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 21.02.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество (2011–2020 годы)”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/4b6b1ec3d9a61a8204d8fdc520469db8e0daa367/ (дата обращения: 24.04.2014).

В механизме защиты информационных прав и свобод основополагающими должны стать: механизм самозащиты, механизм досудебного (внесудебного) обжалования, судебный механизм, механизм административно-правовой охраны и защита информационных прав и свобод общественными организациями и объединениями...

На пути создания действенных механизмов защиты информационных прав и свобод, обеспечения информационной безопасности личности национальное информационное законодательство должно принимать во внимание и международно-правовой аспект, наряду с другими странами учитывая необходимость принятия четко определенных обязательств в области защиты информационных прав и свобод, регламентации таких глобальных вопросов, как трансграничная передача персональных данных.

В то же время информационная политика Российской Федерации, тесно соприкасаясь с международной информационной политикой, может столкнуться с ситуацией, в которой далеко не всегда государственные интересы будут отвечать интересам личности, а международная информационная политика — оказывать не всегда положительное влияние на национальную информационную политику в целом.

Литература

1. *Куняев Н.Н.* Правовое обеспечение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере. М.: Логос, 2010. 348 с.
2. *Пашенцев Д.А.* Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 1 (17). С. 20–25.

Literatura

1. *Kunyaev N.N.* Pravovoe obespechenie nacional'nyh interesov Rossiiskoi Federacii v informacionnoi sfere. M.: Logos, 2010. 348 s.
2. *Pashencev D.A.* Sovershenstvovanie mehanizma zashity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 1 (17). S. 20–25.

A.A. Tchebotareva

Information Security of the Personality in System of Information Rights and Freedoms

The author covers a problem of information security of the personality in the conditions of developing information relations at the present stage. The right to information security should not be at the bottom of the system of information rights and freedoms because of its importance. Increasing requirements to ensuring information security of the personality cause pertinent regulation considering the interests of the state, society and a certain individual in the information sphere.

Keywords: information society; electronic state; information rights and freedoms; information security; cyber security.

С.Н. Чурилов

О некоторых тенденциях и противоречиях в криминалистической науке

В статье исследуются положения криминалистической науки, относящиеся к отдельным ее разделам — криминалистической тактике и криминалистической методике, анализируются противоречия между определениями этих разделов и накопившимися новыми знаниями, рассматривается проблема повышения системности науки на основе устранения выявленных противоречий. Сформулированы авторские определения криминалистической тактики и криминалистической методике.

Ключевые слова: система криминалистики; криминалистическая тактика; криминалистическая методика; тенденции развития; противоречия.

Одной из важных задач криминалистической науки является дальнейшее развитие общих положений и рекомендаций отдельных ее разделов, в том числе криминалистической тактики и криминалистической методике. К сожалению, их теоретические части и рекомендации, адресованные практике борьбы с преступностью, по содержанию не в полной мере соответствуют духу времени, возросшим потребностям практики расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел. Несмотря на то что криминалистическая тактика и криминалистическая методика в своем развитии усилиями многих поколений ученых-криминалистов проделали значительный путь, тем не менее они остаются в определенном смысле в долгу перед юридическим образованием и практикой борьбы с преступностью.

Так, остается нерешенным давно назревший вопрос об исключении из криминалистической тактики всего того, что относится к криминалистической методике (планирование расследования преступлений, взаимодействие следователя с органами дознания, использование помощи общественности в расследовании и другие вопросы, охватываемые понятием «организация расследования»). Однако вряд ли можно считать продуктивным предложение выделить в системе криминалистики вопросы организации расследования преступлений в самостоятельный раздел с определением им места между криминалистической тактикой и криминалистической методикой [5: с. 30–31]. Данное решение не способствует повышению системности криминалистической науки. Традиционная система криминалистики, состоящая из общей теории, техники, тактики и методике, в полной мере оправдала себя и не требует волонтаристских преобразований. Речь нужно вести о повышении системности науки не путем увеличения количества ее разделов, а путем точного определения содержания уже существующих разделов, в частности, тактики и методике.

На наш взгляд, помещение вопросов организации расследования между указанными разделами по крайней мере нелогично, так как они по отношению к частным криминалистическим методикам носят общий характер и должны рассматриваться после уяснения понятия криминалистической методики как заключительного раздела науки, ее системы, задач, принципов формирования частных методик и других положений, составляющих систему теоретической части данного раздела. То есть вопросы организации расследования преступлений должны найти прописку в заключительном разделе криминалистики между системой научных положений и частными криминалистическими методиками.

Реализация в науке данных взглядов на проблему повышения ее системности обуславливает изменение традиционных определений понятий криминалистической тактики и криминалистической методики, неизменно излагаемых в современных учебниках и курсах криминалистики [4: с. 366; 3: с. 266].

В 1970 году криминалистическая тактика определена Р.С. Белкиным как «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений» [2: т. 1, с. 287–288]. В дальнейшем понятие данного раздела криминалистики модернизировалось в работах других авторов за счет расширения или изменения его содержания. Но в нем до последнего времени сохранено указание на вопросы организации и планирования предварительного и судебного следствия [1: с. 15].

Данное положение со всей очевидностью противоречит принципу системности криминалистической науки. На это обращали внимание многие известные криминалисты уже в 60-х годах прошлого столетия (А.М. Ларин, Н.А. Селиванов, М.П. Шаламов и др.). Р.С. Белкин, автор указанного выше определения криминалистической тактики, исследуя позиции криминалистов по данной проблеме, также обоснованно полагал, что вопросы организации и планирования расследования относятся к криминалистической методике как разделу науки [2: т. 2, с. 455]. В криминалистической тактике он оставлял только вопросы организации проведения отдельного следственного действия и организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования. Под организацией проведения следственного действия он понимал «комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей этого следственного действия» [2: т. 2, с. 451].

Как не трудно заметить, изложенное выше определение криминалистической тактики, принадлежащее Р.С. Белкину, не учитывает выдвинутых им же положений о том, что вопросы организации и планирования расследования относятся не к данному разделу криминалистики, а к криминалистической методике. По этой причине оно нуждается в изменении [6: с. 13–17].

Что же в таком случае должно остаться в криминалистической тактике и каково должно быть определение ее понятия? На наш взгляд, в данном разделе криминалистики не должны рассматриваться вопросы организации и планирования судебного исследования преступлений, относящиеся к уровню криминалистической методики. В криминалистической тактике должны рассматриваться такие элементы, как то: организация и проведение следственных и судебных действий, поведенческие и оценочные моменты, технико-криминалистические и тактические средства и приемы и рекомендации по их выбору и осуществлению в рамках конкретного акта судебного исследования. Теоретическая часть данного раздела криминалистики должна состоять из положений учения о криминалистической версии, представлений об общей тактике следственного и судебного действия, понятий тактического приема, тактической комбинации, тактической рекомендации, тактического риска, криминалистической ситуации, положений, касающихся использования при проведении следственных действий данных оперативно-розыскной деятельности, помощи специалистов, использования технико-криминалистических средств и приемов собирания доказательств, взаимодействия между следователем и сотрудниками органа дознания при проведении следственных действий.

Кроме этого система научных положений криминалистической тактики должна включать в себя представления о внутридисциплинарных связях данного раздела криминалистики с другими ее разделами, ее источниках, проблемах, тенденциях и перспективах дальнейшего развития.

При определении понятия криминалистической тактики следует учитывать не только указанные выше положения, но и исходить из присущих ей особенностей, заключающихся в преодолении возможного или реального противодействия субъекту доказывания в достижении стоящей перед ним цели при проведении конкретного следственного или судебного действия. В этой связи О.Я. Баев, активно занимающийся проблемой совершенствования научных положений данного раздела криминалистики, понимает под криминалистической тактикой «систему научных положений и разрабатываемых на их основе соответствующих средств (приемов, рекомендаций по их реализации, операций) допустимого и рационального собирания, исследования и использования доказательственной информации субъектами публичного и частно-публичного уголовного преследования и профессиональной защиты от него, каждым в соответствии со своей функцией в условиях *потенциального или рационального непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц или органов, имеющих иные интересы в уголовном судопроизводстве, чем те, которые имеет субъект* (курсив наш. — С.Ч.), для оптимизации деятельности которого и создается соответствующий вид криминалистической тактики» [1: с. 14].

Анализируя данное определение, нельзя не заметить, что в нем нет четкого указания на разрабатываемые в криминалистической тактике рекомендации по организации проведения следственных и судебных действий, в том числе по планированию этих действий.

Представляется излишним пространно указывать в определении всех субъектов уголовно-процессуального доказывания и присущих им профессиональных функций, а также субъектов противодействия установлению истины по делу.

С учетом вышеизложенного определение понятия криминалистической тактики может быть сформулировано в следующем виде: *это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и проведению следственных и судебных действий в условиях возможного или оказываемого противодействия доказыванию и обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной и судебной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей этих процессуальных действий.*

В данном определении не упоминается термин «планирование», характерный для определения криминалистической тактики, сформулированного Р.С. Белкиным, так как планирование в криминалистической науке рассматривается как метод организации расследования или метод организации следственного действия [2: т. 2, с. 376]. По этой причине в определении данного раздела криминалистики излишне употреблять термин «планирование».

В нашем определении криминалистической тактики не упоминается и о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений, так как они наряду с другими обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, устанавливаются при реализации методико-криминалистических рекомендаций.

Другим противоречием в криминалистической науке, требующим устранения, является то обстоятельство, что в заключительном ее разделе не рассматриваются вопросы синтезирования рекомендаций судебной криминалистической тактики в целостный инструментарий субъекта доказывания применительно к судебному разбирательству уголовных дел. Им почему-то традиционно отводится место в криминалистической тактике. В криминалистической же методике особенности тактики судебных процессуальных действий применительно к частным методикам судебного разбирательства конкретных категорий уголовных дел не рассматриваются. А ведь тактика судебных действий, так же как и тактические приемы следственных действий, реализуется через соответствующие частные криминалистические методики, приобретая новое качественное состояние применительно к судебному исследованию определенного вида преступлений.

Причиной создавшегося положения является, на наш взгляд, то обстоятельство, что служебная функция криминалистической методике остается неизменной со дня выделения ее в самостоятельный заключительный раздел криминалистики; она предназначена для обслуживания только одной сферы деятельности — предварительного расследования преступлений — и определяется как «система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов

преступлений» [2: т. 1, с. 298]. Данное определение, принадлежащее Р.С. Белкину, находится в существенном противоречии с его же определением понятия предмета криминалистической науки, поддержанным подавляющим большинством ученых-криминалистов, в котором важным элементом является указание на разработку этой наукой специальных средств и методов *судебного исследования преступлений*. Следовательно, важной задачей криминалистической науки является распространение рекомендаций криминалистической методик не только на предварительное расследование, но и на сферу судебного разбирательства уголовных дел. При этом требуется создание прежде всего теории формирования частных судебных криминалистических методик [8: с. 7–12].

С учетом изложенного криминалистическая методика может быть определена как система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению судебного исследования и предотвращения отдельных видов преступлений [6: с. 17].

Полагаем, что устранение выявленных противоречий в криминалистической науке путем реализации выдвинутых нами положений будет способствовать повышению системности данной науки и как результат — качеству юридического образования и эффективности борьбы с преступностью.

Литература

1. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М.: Экзамен, 2003.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997.
3. Криминалистика: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2015.
4. *Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник. М.: Норма: ИНФРА. М., 2014.
5. *Филиппов А.Г.* О программе специального курса «Организация расследования преступлений» // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 1 (21). С. 30–31.
6. *Чурилов С.Н.* Понятие и структура криминалистической методик нуждаются в расширении // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1 (41). С. 13–17..
7. *Чурилов С.Н.* Перспективы развития системы научных положений криминалистической методик в свете общей теории науки // Человеческий капитал. 2012. № 8 (44). С. 88–91.
8. *Чурилов С.Н.* К вопросу о сферах применения достижений криминалистики // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 3 (39). С. 7–12.

Literatura

1. *Baev O.Ya.* Taktika ugodovnogho presledovaniya i professional'noj zashhity' ot nego. M.: E'kzamen, 2003.
2. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: v 3 t. M.: Yurist', 1997.
3. Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. E.P. Ishhenko. M.: Prospekt, 2015.
4. *Rossinskaya E.R.* Kriminalistika: uchebnik. M.: Norma: INFRA. M., 2014.
5. *Filippov A.G.* O programme special'nogo kursa «Organizaciya rassledovaniya prestuplenij» // Vestnik kriminalistiki. 2007. Vy'p. 1 (21). S. 30–31.

6. *Churilov S.N.* Ponyatie i struktura kriminalisticheskoy metodiki nuzhdayutsya v rasshirenii // Vestnik kriminalistiki. 2012. Vy'p. 1 (41). S. 13–17.

7. *Churilov S.N.* Perspektivy' razvitiya sistemy' nauchny'x polozhenij kriminalisticheskoy metodiki v svete obshhej teorii nauki // Chelovecheskij capital. 2012. № 8 (44). S. 88–91.

8. *Churilov S.N.* K voprosu o sferax primeneniya dostizhenij kriminalistiki // Vestnik kriminalistiki. 2011. Vy'p. 3 (39). S. 7–12.

S.N. Churilov

About Some Trends and Contradictions in Forensic Science

The article examines the situation of forensic science pertaining to its individual sections, to forensic tactics and criminal procedure. The contradictions between the definitions of these sections and newly collected knowledge are analyzed, the problem of increasing the systematic science based on elimination of the revealed contradictions is considered. The author represents the definition of forensic tactics and forensic techniques.

Keywords: system of criminalistics; forensic tactics; forensic technique; development trends; contradictions.

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Л.Б. Ситдикова

Сфера оказания услуг публично-правовыми образованиями

Статья посвящена анализу особенностей оказания услуг публично-правовыми образованиями. Автор рассматривает проблемные вопросы соотношения понятий «услуга», «публичная услуга», «государственная услуга».

Ключевые слова: услуга; публичная услуга; государственная услуга; договор; гражданское право.

Отношения по оказанию услуг наряду с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) регулируются федеральными законами и иными правовыми актами, посвященными отдельным видам деятельности по оказанию услуг. Категория услуги, таким образом, изначально использовалась законодателем лишь в сфере частного правового регулирования. В современных условиях, определяя их отраслевую принадлежность, важно учитывать и роль государства, выполняющего функции публично-правового характера, которое в последние годы ассоциируется со стремлением трансформировать свои обязанности и гарантии в услуги (сделав их впоследствии платными), с коммерциализацией деятельности учреждений культуры, образования, науки и др. Выделение договорной формы реализации публичных функций государства, как отмечает В.И. Крусс, связывают со становлением и развитием рыночных отношений [12: с. 59]. Однако на сегодняшний день в отечественной науке и законодательстве не сформировано целостной и общепринятой концепции публичных услуг. Это связано с тем, что введенная из зарубежной практики в российскую правовую систему категория «публичные услуги» у нас по разным причинам толкуется гораздо шире, что является одной из причин негативного восприятия попыток использования категории «услуги» с этой целью. Данное обстоятельство не в последнюю очередь связано и с различным подходом западных доктрин к самому понятию «публичная услуга», которая различает германскую и французскую национальные концепции публичных услуг [11].

Следует отметить, что в публично-правовой доктрине наряду с термином «публичные услуги» используется и термин «государственные услуги». К тому же к публичным услугам, помимо собственно государственных услуг, относят также и социальные услуги [14: с. 20].

На сегодняшний день легальное определение получили только государственные (муниципальные) и социальные услуги

Впервые раскрытие понятия «государственная услуга» было сделано в Указе Президента РФ [4] в 2004 году, в котором зафиксировано, что под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами безвозмездно или по регулируемым ценам услуг гражданам и организациям в различных областях деятельности, определяемых федеральными законами. Получив официальное определение в Указе Президента РФ, категория «государственные услуги» стала фигурировать в других нормативно-правовых актах [5; 9]. Ранее в той или иной интерпретации категория «государственная услуга» упоминалась в законах РФ «Об образовании» [8], «О ветеринарии» [3], в Федеральном законе РФ «О лекарственных средствах» [7] и др. В этих нормативных актах можно выделить те виды деятельности, в рамках которых такие услуги оказываются. Это в основном относится к социальной сфере. К тому же большинство перечисленных выше нормативных актов регулируется как нормами публичного, так и частного права. Их можно отнести к источникам комплексного правового регулирования.

Федеральный закон РФ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1], определив понятия «государственная и муниципальная услуга», закрепил за данными категориями не столько услуги социальной направленности, сколько действия и решения административно-правового распорядительного характера. Так, в качестве государственной услуги предлагается считать деятельность государственных органов, предоставляющих государственные услуги по исполнению запросов заявителей в пределах установленных полномочий.

В Федеральном законе РФ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [2], в статье 3, закрепляется понятие «социальная услуга», под которой понимаются определенные действия в сфере социального обслуживания в отношении гражданина, которые направлены на улучшение условий его жизни, а также позволяют расширить его самостоятельные возможности по обеспечению собственных жизненных потребностей. При этом данные действия могут носить как разовый, так и постоянный (периодический) характер. В качестве субъектов, оказывающих социальные услуги, могут выступать как государственные органы, так и иные лица (негосударственные социальные организации и индивидуальные предприниматели, оказывающие социальные услуги).

Как уже отмечалось, публичные услуги, хотя они и оказываются публично-правовыми образованиями, в законодательстве не закреплены, их понятие находится в стадии формирования. В связи с этим чрезвычайно важным является определение границ использования термина «публичная услуга», оказываемая публично-правовыми образованиями.

На сегодняшний день предпринимаются попытки установления границ публичной услуги, но по причине общей недостаточной исследованности теории публичных услуг единого подхода в научной литературе не существует. Поэтому необходимо рассмотреть сферу публичной услуги в гражданском обороте. Исходя из вида и принципов построения, публичные услуги бывают: образовательными, медицинскими, коммунальными, бытовыми, финансовыми, информационными, консультационными и др.

Как отмечает Д.М. Щекин, «...четкого определения в законодательстве понятие «публичные услуги» пока не получило, но уже есть указание на их возможную платность или бесплатность» [17: с. 91]. В настоящее время вопрос взимания платы при предоставлении государственных услуг урегулирован Федеральным законом РФ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Предоставление данного вида услуг носит обязательный характер, ответственность за неоказание или некачественное оказание услуг носит административный характер.

Следует остановиться на точке зрения Л.К. Терещенко, которая, рассматривая публичные услуги в гражданском обороте, выделяет, кроме самих публичных услуг, еще государственные и социальные услуги. Причем автор считает неверным смешивать данные понятия, так как они имеют различное содержание и характеризуют оказываемые услуги с разных сторон [15: с. 16]. Речь идет о соотношении указанных услуг, а не об их противопоставлении.

Н.А. Шевелева выделяет два типа публичных услуг. К первому типу публичных услуг предлагается отнести услуги, которые оказывают органы исполнительной власти. Ко второму типу — публичные услуги, оказываемые подведомственными им бюджетными учреждениями или уполномоченными организациями [16: с. 202–203]. Первый тип публичных услуг является одной из функций исполнительной власти в рамках реализации административной реформы. Оказывая публичные услуги, орган исполнительной власти обеспечивает не частный интерес получателя услуги, а интересы всего населения или некоего неопределенного круга лиц, т. е. общественно значимую потребность. Передача иным субъектам осуществления таких услуг, по нашему мнению, недопустима. Предоставлять такие услуги надлежит исключительно на безвозмездной основе. Компенсируются подобные затраты из бюджетов соответствующих уровней. Величина предусматриваемых различных сборов для таких услуг не превышает компенсационных размеров.

Публичные услуги второго типа предоставляются на возмездной основе. Для получателя услуга может быть платной или бесплатной в зависимости от источника финансирования, а для исполнителя услуги — всегда возмездной. Платность или бесплатность услуги для получателя зависит от источника финансирования. Правовой основой оказания данного типа публичных услуг выступает гражданско-правовой договор, заключаемый на возмездной основе. В этом особенность публичных услуг, относящихся ко второму типу.

Основным критерием отнесения услуг к категории публичных, по устоявшемуся мнению в юридической литературе, является их общезначимая направленность, государство остается ответственным за предоставление услуг. Публичные услуги могут осуществляться в публично-правовой форме — органами государственной власти или местного самоуправления, а также в частноправовой форме — через гражданско-правовой договор.

Органами государственной власти субъектов РФ оказываются платные услуги на основании законодательства субъекта РФ. Перечень платных услуг, оказываемых Главным управлением по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям города Москвы, утвержден распоряжением Правительства Москвы [6].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что услуги (дополнительные платные услуги) оказываются государственными и муниципальными образованиями на возмездной основе, в лице их органов, включая некоммерческие организации, обладающие правом юридического лица. Они должны подчиняться правилам гражданского законодательства, соответствующих видов договоров возмездного оказания услуг. Понятие «услуги», постепенно дифференцируясь, охватывает не только услуги в гражданско-правовом смысле, но и оказание публичных услуг.

Определяя круг возможных участников данных договоров в качестве исполнителей, куда могут входить государственный сектор (в составе которого рассматривается и муниципальный сектор) и негосударственный сектор, следует учитывать, что в ГК РФ он ограничен принципом специальной правосубъектности. Более жестко этот принцип действует в отношении государственных учреждений, общественных предприятий и организаций. Несмотря на это, специальный субъективный состав договоров может устанавливаться законом или вытекать из характера услуги.

В связи с тем, что государство ограничено в предпринимательской деятельности, встает вопрос о том, какие субъекты могут осуществлять эту деятельность. Могут ли от имени государства, используя гражданскую правоспособность не самого государства, а других лиц, вести предпринимательскую деятельность государственные учреждения, предприятия и т. д.? Ограничения на осуществление предпринимательской деятельности для отдельных государственных организаций (государственных учреждений и государственных предприятий) касаются только того, в какой сфере будет осуществляться эта деятельность. В этом заключается существенная разница, с точки зрения С.А. Белова, между деятельностью государства в целом, касаясь частноправового законодательного режима хозяйственной деятельности, и отдельных организаций, действующих от имени государства [10: с. 83].

Так, по мнению А.Е. Пилецкого, «...некоммерческие организации, обладающие правом юридического лица, могут выступать субъектами предпринимательской деятельности. Причем учреждения, относящиеся к самой

многочисленной из них группе, являются публичными лицами. Учреждения, согласно частнопредпринимательской доктрине, не могут относиться к субъектам предпринимательской деятельности, так же как и государственные, муниципальные унитарные предприятия» [13: с. 25–26]. Поэтому решение этого вопроса нужно искать в Указе Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», где в п. 5 сказано, что федеральные агентства оказывают государственные услуги не только на безвозмездной, но и на возмездной основе согласно подп. «д» п. 2 [4].

Таким образом, предоставление публичных услуг является публичной функцией государства, т. е. главными направлениями его деятельности, и вытекает из этих функций. Эти функции реализуют не только государственные органы. Их оказание они могут делегировать органам местного самоуправления или специально созданным для этого организациям либо организовать их оказание коммерческими и некоммерческими организациями. Выбор варианта оказания публичных услуг зависит в значительной степени от требований закона или характера услуги.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 49.
2. Федеральный закон РФ от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.
3. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 18.07.2011, с изм. от 04.06.2014) «О ветеринарии» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.
4. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 22.06.2010) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
5. Постановление Правительства РФ от 11.11.2005 № 679 (ред. от 16.05.2011) «О Порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 476. Ст. 4933.
6. Распоряжение Правительства Москвы «Об утверждении перечня платных услуг, оказываемых Главным управлением по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям города Москвы» от 13.07.1998 № 756-РП // Тверская, 13. 1998. № 33 (13–19 августа).
7. Федеральный закон РФ от 22.06.1998 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2008) «О лекарственных средствах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3006 (утратил силу).
8. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 12.11.2012) «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 150 (утратил силу).
9. Постановление Правительства РФ от 25.12.2007 № 931 (ред. от 10.03.2009) «О некоторых мерах по обеспечению информационного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления при оказании государственных услуг

гражданам и организациям» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 53. Ст. 6627 (утратил силу).

10. Белов С.А. Принципы правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. ст. / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 71–85.

11. Винницкий А.В. Публичные услуги в ЕС и РФ: конституционные основы и законодательное регулирование // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 101–114.

12. Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 59–70.

13. Пилецкий А.Е. Теоретические проблемы предпринимательской правосудности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 60 с.

14. Публичные услуги и право: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Норма, 2007. 416 с.

15. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 15–23.

16. Шевелева Н.А. Публичные услуги и их финансирование // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. ст. / под ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 201–219.

17. Щекин Д.М. О коммерциализации деятельности российского государств // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. ст. / под ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 86–93.

Literatura

1. Federal'ny'j zakon RF ot 27.07.2010 № 210-FZ (red. ot 31.12.2014) «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvenny'x i municipal'ny'x uslug» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 31. St. 49.

2. Federal'ny'j zakon RF ot 28.12.2013 № 442-FZ (red. ot 21.07.2014) «Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 52 (ch. I). St. 7007.

3. Zakon RF ot 14.05.1993 № 4979-1 (red. ot 18.07.2011, s izm. ot 04.06.2014) «O veterinarii» // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 24. St. 857.

4. Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 (red. ot 22.06.2010) «O sisteme i strukture federal'ny'x organov ispolnitel'noj vlasti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2004. № 11. St. 945.

5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.11.2005 № 679 (red. ot 16.05.2011) «O Poryadke razrabotki i utverzhdeniya administrativny'x reglamentov ispolneniya gosudarstvenny'x funkcij (predostavleniya gosudarstvenny'x uslug)» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 476. St. 4933.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva Moskvy' «Ob utverzhdenii perechnya platny'x uslug, okazy'vaemy'x Glavny'm upravleniem po delam grazhdanskoj oborony' i chrezvy'chajny'm situacijam goroda Moskvy'» ot 13.07.1998 № 756-RP // Tverskaya, 13. 1998. № 33 (13–19 avgusta).

7. Federal'ny'j zakon RF ot 22.06.1998 № 86-FZ (red. ot 30.12.2008) «O lekarstvenny'x sredstvax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 26. St. 3006 (utratil silu).

8. Zakon RF ot 10.07.1992 № 3266-1 (red. ot 12.11.2012) «Ob obrazovanii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 150 (utratil silu).
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2007 № 931 (red. ot 10.03.2009) «O nekotory'x merax po obespecheniyu informacionnogo vzaimodejstviya gosudarstvenny'x organov i organov mestnogo samoupravleniya pri okazanii gosudarstvenny'x uslug grazhdanam i organizacijam» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 53. St. 6627 (utratil silu).
10. *Belov S.A.* Principy' pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po okazaniyu gosudarstvenny'x uslug // Publichny'e uslugi: pravovoe regulirovanie (rossijskij i zarubezhny'j opyt): sb. st. / pod obshh. red. E.V. Gricenko, N.A. Shevelevoj. M.: Volters Kluver, 2007. S. 71–85.
11. *Vinniczkiy A.V.* Publichny'e uslugi v ES i RF: konstitucionny'e osnovy' i zakonodatel'noe regulirovanie // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2013. № 3. S. 101–114.
12. *Kruss V.I.* Publichny'e uslugi v kontekste rossijskoj konstitucionalizacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2014. № 5. S. 59–70.
13. *Pileczkiy A.E.* Teoreticheskie problemy' predprinimatel'skoj pravosudnosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006. 60 s.
14. Publichny'e uslugi i pravo: nauch.-prakt. posobie / pod red. Yu.A. Tixomirova. M.: Norma, 2007. 416 s.
15. *Tereshhenko L.K.* Uslugi: gosudarstvenny'e, publichny'e, social'ny'e // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 10. S. 15–23.
16. *Sheveleva N.A.* Publichny'e uslugi i ix finansirovanie // Publichny'e uslugi: pravovoe regulirovanie (rossijskij i zarubezhny'j opyt): sb. st. / pod red. E.V. Gricenko, N.A. Shevelevoj. M.: Volters Kluver, 2007. S. 201–219.
17. *Shhekin D.M.* O kommercializacii deyatel'nosti rossijskogo gosudarstv // Publichny'e uslugi: pravovoe regulirovanie (rossijskij i zarubezhny'j opyt): sb. st. / pod red. E.V. Gricenko, N.A. Shevelevoj. M.: Volters Kluver, 2007. S. 86–93.

L.B. Sitdikova

Rendering of Services by Public Law Entities

The article is devoted to the analysis of particularities of rendering the services by public law entities. The author considers the problem of correlation between the concepts of service, public service.

Keywords: services; public services; public service; contract; civil law.

А.В. Кочемасов

Теоретические аспекты кодификации права в США во второй половине XIX века

В статье рассматриваются основные проблемы теории права, с которыми было связано развитие идеи кодификации права в США в XIX веке. Американская юриспруденция второй половины XIX века отличалась особым формализмом, и идея кодификации, несмотря на свою популярность, встретила значительный отпор со стороны консервативной половины юридического сообщества США. В статье дается историко-правовой анализ данного теоретического спора и оценивается его значение для дальнейшего развития кодификации в США.

Ключевые слова: кодификация; кодификационное движение; кодекс; общее право; США.

Идея кодификации права являлась краеугольным камнем развития американской юриспруденции на протяжении XIX века. Интерес правоведов к проведению кодификации предопределялся целым набором различных факторов, особое место среди которых занимали проблемы неопределенности, недоступности и чрезмерной сложности американского права. Данные проблемы были вызваны как отсутствием в США должной систематизации права, так и сосуществованием в правовой системе государства общего и статутного права. Попытки штатов разрешить вызванные этим проблемы при помощи периодической ревизии действовавшего на их территории права имели лишь ограниченный успех. По этой причине в США в течение долгого времени велась дискуссия о возможности применения штатами более эффективного средства разрешения этих сложностей — кодификации. Однако в силу консервативности взглядов подавляющего большинства юристов реализовать идею кодификации права на практике или по крайней мере наладить эффективный диалог между сторонниками и противниками ее проведения не удавалось.

Апогеем обсуждения вопроса кодификации в США стали кодификационные дебаты в Нью-Йорке, длившиеся практически всю вторую половину XIX века. Возникновение в Нью-Йорке особого интереса к проведению кодификации

объяснялось его стремительным экономическим и демографическим ростом, возлагавшим большое бремя на правовую систему штата и способствовавшим дальнейшему увеличению объема действовавшего на его территории права. В результате этого уже в 1820-х годах в Нью-Йорке стала пользоваться популярностью идея о том, что право должно было состоять из «ясных и простых принципов, основанных на здравом смысле» и объединенных в единый документ — кодекс.

Несмотря на определенные успехи в области ревизии права, на протяжении последующих десятилетий идея о необходимости более тщательного пересмотра действовавшего в Нью-Йорке права продолжала набирать среди юристов все большую популярность. В этих условиях многие из них стали высказываться в пользу проведения общей (*general*) кодификации, которая должна была в полном объеме распространиться не только на область законодательства, но и на область общего права¹. Со временем юридическое сообщество Нью-Йорка было настолько захвачено идеей кодификации, что соответствующие изменения были внесены в конституцию штата. Согласно ей на законодательное собрание возлагалась прямая обязанность организовать деятельность кодификационной комиссии, в задачу которой входило «сведение в писанный и систематизированный кодекс всего права этого штата, или того его объема и той его части, которые названная комиссия сочтет практичными и целесообразными»².

Несмотря на то, что такая комиссия была образована уже в 1847 году, ее деятельность оказалась непродолжительной, и основной этап разработки кодексов пришелся на период после 1857 года, когда законодательное собрание Нью-Йорка сформировало новый состав комиссии под председательством Дэвида Дадли Филда (*David Dudley Field*, 1805–1894), с именем которого во многом и была связана дальнейшая судьба кодификационного движения.

Основная заслуга Филда заключалась в том, что он попытался довести развитие идеи кодификации американского права до ее логического завершения. Он прямо заявил о том, что Нью-Йорку и другим штатам требовалась не очередная ревизия статутов, а кодификация общего права [11: с. 307]. В подтверждение своих слов Филд разработал детальную концепцию кодификации действовавшего на его территории права и приложил немало усилий для ее воплощения на практике. При этом, признав недостаточность очередной ревизии законодательства, Филд не стал выступать в пользу проведения радикальных преобразований в области права. По его мнению, опыт ранних представителей кодификационного движения продемонстрировал

¹ Иногда идея общей или полной кодификации обозначается в юридической литературе термином «complete codification» (см.: Hepburn C.M. *The Historical Development of Code Pleading in America and England*. Union, New Jersey, 2002. P. 81).

² «To reduce into a written and systematic code the whole body of the law of this state, or so much and such parts thereof as to the said commissioners shall seem practicable and expedient» (цит. по: Hepburn C.M. *Ibid*).

бесперспективность идей, касавшихся отмены общего права и создания нового правопорядка, основанного на неких универсальных философских и юридических принципах. Поэтому в его задачи, как члена кодификационной комиссии, входили лишь «переработка действовавших статутов», «улучшение [их] языка» и «устранение нелепых формулировок», но никак не создание новых законов [5: с. 77].

В соответствии с представлениями Филда целью кодификации было вовсе не уничтожение или изменение фундаментальных принципов общего права, а всего лишь приведение его в соответствие с потребностями современного американского общества. Филд соглашался с тем, что общее право, будучи правом традиционным, действительно не всегда успевало за стремительным развитием постоянно усложнявшихся общественных отношений, однако это вовсе не умаляло других его достоинств. Благодаря кодификации общее право могло просто стать более восприимчивым к частым и резким изменениям социальной, экономической и политической среды. Кроме того, право следовало упростить таким образом, чтобы оно стало более понятным не только юристам, но и простым гражданам. Кодекс являлся «необходимым дополнением писаной конституции для свободного народа» [4: с. 113], поскольку, только заранее зная свои права, граждане могли в полной мере считаться свободными.

Уже первые подготовленные Филдом кодексы в полной мере воплотили в себе основные элементы разработанной им концепции. По утверждению исследователей, Процессуальный кодекс Нью-Йорка («*Code of Procedure of the State of New York*») 1848 года представлял собой «кодекс во французском значении, а не [очередной] статут» [6: с. 293]. В противовес традиционному англо-американскому способу изложения нормативного материала, данный кодекс состоял из небольших, лаконичных и «скелетообразных» статей, располагавшихся в тексте в соответствии с законами юридической логики и принципами научной классификации. Процессуальный кодекс оперировал общими принципами и категориями, опуская при этом излишне повторявшиеся фразы, многочисленные синонимы и устаревшие юридические термины. Существенные изменения данный кодекс вносил и в содержание различных институтов гражданского процессуального права Нью-Йорка, которые ранее регулировались как законодательством, так и нормами общего права.

Аналогичную работу возглавленная Филдом кодификационная комиссия провела и в отношении других отраслей права. В силу значительности объема предстоявшей работы задачу по подготовке гражданского и политического кодексов (*political code*) на себя взял сам Филд, а разработкой уголовного кодекса занялись другие члены комиссии. При этом Филд лично контролировал процесс составления уголовного кодекса и редактировал его окончательную версию.

По свидетельству самих членов комиссии, к составлению новых кодексов они подошли «с величайшей осторожностью». Основной их задачей было «воспроизведение» уже существовавшего права посредством «устранения

недостатков и исправления ошибок» в действовавших правовых нормах. Впрочем, умеренность подхода комиссии к составлению кодексов не помогла избежать целого ряда сложностей, которые возникли в ходе их принятия. По окончании кодификационных работ составленные комиссией Филда кодексы неоднократно передавались на рассмотрение законодательного собрания Нью-Йорка, но раз за разом отправлялись им на дальнейшую доработку. Однако даже в тех случаях, когда отдельные версии кодексов принимались легислатурой штата, их вступление в законную силу не было гарантировано. Так, одобренный в конечном итоге гражданский кодекс попросту не был подписан губернатором штата на том основании, что он обладал «антинаучной структурой» и «неточно излагал существующее право» [8: с. 308]. Аналогичная судьба постигла в 1879 году и уголовный кодекс, который, несмотря на одобрение законодательного собрания и положительные экспертные заключения целого ряда правоведов, был оставлен губернатором Нью-Йорка без рассмотрения.

Очевидно, что истинной причиной такого положения дел было вовсе не качество разработанных кодексов, а то влияние, которое консервативно настроенные юристы оказывали на принятие властями штата данных решений. Со временем в Нью-Йорке наряду с идеей кодификации значительной популярностью также стали пользоваться идеи о недопустимости проведения на его территории столь объемной и в то же время столь поспешной кодификации. Попытки опровергнуть необходимость принятия разработанных кодексов привели к формированию в Нью-Йорке собственного «антикодификационного движения» («*anticodification movement*»).

Его лидером стал один из наиболее влиятельных представителей юридического сообщества Нью-Йорка того времени — Джеймс Кулидж Картер (*James Coolidge Carter*, 1827–1905). Как и многие другие лидеры оппозиции, Картер приветствовал решение губернатора Нью-Йорка не подписывать принятые легислатурой штата кодексы. Вместе с тем он был убежден, что кодификация все еще представляла большую опасность для правовой системы Нью-Йорка, и поэтому от юристов требовалось предпринять более решительные действия, направленные на ее недопущение [2: с. 10].

В связи с этим Картер попытался дискредитировать идею кодификации на доктринальном уровне. Он, как и Филд, являлся в первую очередь практикующим юристом, и лишь затем теоретиком права. Несмотря на это, ему удалось успешно разработать собственную концепцию права, в корне отрицавшую идею кодификации. Примечательно, что Картер не был консервативным юристом, а его учение в большей степени являлось «антиклассическим» [7: с. 149–152]. В качестве основы для антикодификационной концепции Картер использовал постулат Фридриха Карла фон Савиньи о том, что право исходит исключительно от народа, а не от государственной власти. В задачу юристов входило выявление сознания народа, которое в наибольшей степени проявлялось в его обычаях,

традициях и исторической судьбе, вместе составлявших народный дух. Создание законодательства или вынесение судебных решений, не соответствовавших народному духу, было недопустимо. Использование Картером подобных идей было более чем закономерно, поскольку Савиньи, как и Картер, не только обосновывал преимущества традиционного неписаного права над правом писаным, устанавливаемым законодателем, но и являлся открытым противником кодификации [9: с. 102–107].

Указывая на эволюционный характер развития общего права, Картер подчеркнул особую роль обычая в правовой системе США, который придавал ей необходимую преемственность развития. Судьи обладали возможностью принимать решения на основе «социальных стандартов справедливости», являвшихся результатом тщательного анализа ими различных проявлений «разума, морали, а также интеллектуальной и этической культуры времени» [3: с. 48]. По этой причине кодекс, как, впрочем, и законодательство в целом, были способны причинить больше вреда, чем пользы. Едва ли кодекс, за короткий срок написанный небольшой группой юристов, мог сравниться с традиционным правом, развивавшимся столетиями и вобравшим в себя многовековую мудрость народа. Картер полагал, что общее право развивалось по мере интеллектуального роста общества и изменялось в соответствии с его текущими потребностями. Кодификация же являлась своеобразным «прыжком в темноту». Применение судьями определенного набора норм ко всем будущим делам, суть и обстоятельства которых никому не могли быть заранее известны, противоречило самой природе права. В действительности же право представляло собой «науку, основанную на наблюдении фактов, а не на выдумках, закрепленных в законодательстве, которое как раз и является противоречащим науке методом» [3: с. 4].

Нежелательность кодификации Картер обосновывал еще и тем, что в большинстве случаев законодатель не обладал достаточными способностями для выполнения подобных заданий. Легислатуры штатов состояли преимущественно из людей, не обладавших юридическим образованием и «не имевших какой-либо квалификации для того, чтобы заниматься улучшением... этой науки» [2: с. 88]. По этим причинам Картер самым негативным образом относился к идее хоть сколько-нибудь серьезного вмешательства законодателя в процесс формирования права, тем более таким «непродуманным и пагубным» для него способом, как кодификация [10: с. 362–363].

Наконец, Картер упрекал Филда в «правовом империализме» и его попытках перенести традицию жесткого европейского позитивизма на американскую почву [7: с. 170–172]. По его мнению, Филд пытался «упразднить... систему неписаного права... и заменить ее системой кодификации, позаимствованной у деспотических государств». В отличие от «свободных Штатов», где право создавалось народом, в деспотических государствах право являлось творением суверена, который единолично определял, «что есть право».

Со временем в этих государствах все право поглощалось *Кодексом*, с самим правом ничего общего не имевшим [2: с. 33]. Картер утверждал, что предложенная Филдом концепция кодификации общего права ничем не отличалась от крайностей философии Джона Остина и других представителей позитивистской школы права, в корне противоречившей сущности американской юридической традиции [10: с. 340].

В действительности если Филд и являлся позитивистом, то весьма умеренным. Во-первых, идеи позитивистской школы права не были характерны для стиля юридического мышления американских юристов. Определенное распространение данные идеи получили лишь в начале 60-х годов XIX века, когда в США впервые были опубликованы лекции Остина по юриспруденции. Мысли по вопросу кодификации Филд начал развивать еще в начале юридической карьеры, пришедшейся на 1830-е годы [5: с. 40]. Во-вторых, взгляды Филда по вопросу кодификации свидетельствовали о том, что его подход к праву едва ли был основан на европейской позитивистской идеологии. Филд неоднократно подчеркивал, что кодекс «не может служить основой для решения всех возможных дел, которые могут возникнуть в будущем» [10: с. 340]. Единственной целью кодекса было закрепление в законодательном порядке «известных и признанных» норм и принципов права, необходимое для упрощения действовавшего в штатах права и уменьшения его объема.

В ответ на позицию Картера Филд предпринял попытку доказать необоснованность подобной критики. По его утверждению, элементы кодификации были представлены в праве штатов с давних времен, а принимавшиеся штатами законы постоянно изменяли, дополняли и отменяли нормы общего права. Точно так же, как нормы, сложившиеся в ходе судебной практики, могли становиться нормами законов, нормы законов могли быть объединены в более объемный по содержанию кодекс. Поэтому кодификация общего права являлась вовсе не революционной, а консервативной практикой, нацеленной на сохранение лучших правовых традиций прошлого. В связи с этим кодекс был не вреден, а, напротив, полезен. Он должен был обеспечивать стабильность права и препятствовать его неконтролируемому росту. Вследствие этого отпадала бы и необходимость особо критикуемого Картером постоянного вмешательства законодателя в область права.

По мнению Филда, законодатель был более чем способен воплотить проект полноценной кодификации на практике. Делая выбор между правотворчеством судей и правотворчеством законодателей, Филд отдавал безусловное предпочтение правотворчеству последних. В отличие от судей, принимавших решения единолично, законодательные собрания, состоявшие из множества представителей народа, принимали решения коллективно. Поэтому если и говорить о деспотизме суверена, то следовало говорить лишь о деспотизме единовластного судьи.

Филд также ставил вопрос о том, «что делает судей и юристов экспертами» в определении вопросов морали, нравственности, традиций и обычаев.

По его мнению, законодатели были точно такими же представителями народа, как и судьи. В таком случае их способности «находить» право согласно представлениям Картера едва ли можно было отрицать [12: с. 421]. Кроме того, процесс подготовки кодексов, как правило, был сосредоточен в руках юристов, наиболее квалифицированных для выполнения подобного задания, таких, как Филд. Роль законодательного собрания сводилась лишь к утверждению результатов работы, проведенной экспертами [6: с. 303].

Вследствие этого результаты развернувшихся между Филдом и Картером дебатов были весьма неоднозначны. Очевидным в данной ситуации было лишь то, что правом на существование обладал как консервативный, так и реформистский взгляд на проблему кодификации. Картер, как и Филд, выступал за создание такой системы права, которая могла стать проводником прогресса и успешно обслуживать растущие потребности государства и общества. Оба они соглашались и с тем, что право должно было основываться на определенном рациональном начале, понимание которого, впрочем, в полной мере было доступно лишь квалифицированным специалистам, обладавшим надлежащей юридической подготовкой. Однако в то время как Филд отдавал предпочтение систематичности и определенности кодекса, Картер делал выбор в пользу гибкости и свободы развития общего права.

Вместе с тем оппозиция Картера против кодификации все же не была абсолютной. Несмотря на его неоднократные заявления о том, что кодификация противоречила сущности права, он и его сторонники говорили преимущественно о недопустимости кодификации гражданского права. Главным образом гражданский кодекс вызывал неприятие консервативно настроенных правоведов по той причине, что он радикальным образом изменял традиционный способ урегулирования гражданско-правовых отношений. По утверждению Картера, «значительное количество правовых норм, определявших права человека в отношении его личности и имущества, никогда раньше не были прямо закреплены в законодательной форме», вместо этого они «основывались на исконной, но постоянно растущей системе обычаев», которая прошла проверку многих веков [2: с. 5–6].

В целях обоснования необходимости сохранения приоритета в урегулировании гражданско-правовых отношений за неписаным правом Картер воспользовался идеей деления права на частное и публичное. В работах он попытался доказать, что государство в лице законодателя имело право регулировать лишь те отношения, которые так или иначе были связаны с его функционированием. Поскольку законодатель был волен принимать законы, регулировавшие публично-правовые отношения, то и кодификация публично-правовых отраслей права целиком находилась в его компетенции. Например, исходя из того, что уголовное право не столько регулировало поведение индивидов, сколько служило поддержанию мира и общественной безопасности, оно могло стать предметом кодификации [3: с. 9]. В тех случаях, когда правовые отношения возникали между

свободными индивидами, они должны были регулироваться исключительно обычаями и предшествующей практикой, а не законами и кодексами [10: с. 359].

Однако последнее слово по вопросу кодификации все равно оставалось за Картером. Уже в 1907 году Картер подвел итог своих размышлений следующими словами: «Я закрываю тему кодификации, будучи убежденным в том, что [она] полностью несовместима с фундаментальными принципами права» [1: с. 315]. Данная мысль весьма удачно суммировала общий смысл представлений Картера о праве и в целом соответствовала взглядам большинства консервативных юристов того времени. Подобный стиль мышления в значительной степени препятствовал воплощению идеи кодификации на практике. Неудивительно, что лишь уголовный и гражданский процессуальный кодексы в конечном итоге были приняты в Нью-Йорке.

Вместе с тем развертывание подобных дебатов демонстрировало неординарность идеи кодификации в истории развития американского права. Затронутые в ходе кодификационных дебатов темы свидетельствовали о наличии в праве Нью-Йорка, как и в праве США в целом, глубинных противоречий, разрешение которых требовало от юридического сообщества достижения консенсуса по целому ряду сложнейших вопросов. Неудивительно, что аналогичные дебаты постепенно охватили всю территорию США, и практически каждый из штатов попытался самостоятельно оценить перспективы кодификации действовавшего на его территории права.

В то время как кодификационные дебаты второй половины XIX века оставляли проблему кодификации открытой, они приносили больше ясности в те проблемы, с которыми юристы безуспешно боролись на протяжении всего столетия. Кроме того, с выходом идеи кодификации на новый теоретический уровень консервативно настроенные правоведы не могли больше дискредитировать ее лишь на основании ее «очевидной» бесперспективности. Несмотря на то что именно к такому выводу приходили Джеймс Картер и многие его сторонники, теперь их умозаключения подкреплялись обдуманными и взвешенными аргументами, которые лишь способствовали становлению дальнейшего диалога по вопросу кодификации.

Таким образом, кодификационные дебаты, развернувшиеся во второй половине XIX века в Нью-Йорке между Дэвидом Филдом, Джеймсом Картером и их последователями, символизировали существенный прогресс не только в развитии идеи кодификации американского права, но и в развитии правовой системы США в целом. Глобальность затронутых в ходе дебатов проблем предопределила неизбежность продолжения дискуссии по вопросу кодификации в будущем, причем не на уровне какого-то конкретного штата, а на уровне всего государства. Несмотря на то что обсуждение данной проблемы на тот момент времени длилось уже практически целое столетие, правоведам только еще предстояло сделать один из самых важных и самых сложных выборов в истории американского права — выбор в пользу или против кодификации.

Литература / Literatura

1. *Carter J.C.* Law: Its Origin Growth and Function. New York, 1907.
2. *Carter J.C.* The Proposed Codification of Our Common Law. New York, 1884.
3. *Carter J.C.* The Provinces of the Written and the Unwritten Law. New York, 1889.
4. *Field D.D.* Reasons for Codification // *The Life of the Law: Reading on the Growth of Legal Institutions* / Ed. by J. Honnold. London, 1964.
5. *Field H.M.* The Life of David Dudley Field. New York, 1898.
6. *Friedman L.M.* A History of American Law. New York, 2002.
7. *Grossman L.A.* Langdell Upside-Down: James Coolidge Carter and the Anticlasical Jurisprudence of Anticodification // *Yale Journal of Law & The Humanities*. 2007. Vol. 19. P. 149–219.
8. *Lundmark T.* Charting the Divide Between Common and Civil Law. Oxford, 2012.
9. *Reimann M.* The Historical School against Codification: Savigny, Carter, and the Defeat of the New York Civil Code // *The American Journal of Comparative Law*. 1989. Vol. 37. № 1. P. 95–119.
10. *Schwartz B.* Main Currents in American Legal Thought. Durham, North Carolina, 1993.
11. *Speeches, Arguments and Miscellaneous Papers of David Dudley Field* / Ed. by A.P. Sprague. Vol. 1. New York, 1884.
12. *Speeches, Arguments and Miscellaneous Papers of David Dudley Field* / Ed. by A.P. Sprague. Vol. 3. New York, 1884.

A.V. Kochemasov

**Theoretical Aspects of the Question of Codification of Law in the United States
in the Second Half of the 19th Century**

The article is devoted to the theoretical issues of the idea of law codification in the United States in the 19th century. Because of the harsh formalism of the American jurisprudence of the second half of the 19th century idea of codification, despite being popular in the US at that time, met substantial resistance from the conservatives of the US legal community. The article analyzes this theoretical dispute and estimates its influence on the subsequent development of codification in the US.

Keywords: codification; codification movement; code; common law, the USA.

Е.М. Крупеня

**Обзор XV Международной научной
конференции «Правосознание в правовой
реальности современного социума»
(«Спиридоновские чтения»,
Санкт-Петербург, 10–11 апреля 2015 года)**

Международная научная конференция «Спиридоновские чтения» ежегодно проводится в апреле и приурочена ко дню памяти выдающегося отечественного ученого Льва Ивановича Спиридонова. Юбилейная, XV конференция в текущем году проходила 10–11 апреля. Как и многие предшествующие годы, апрельские Спиридоновские чтения проводили на базе Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (СПБИНВЭСЭП).

Бессменными организаторами и вдохновителями Спиридоновских чтений, снискавших большую популярность среди экспертного сообщества России и зарубежья, стали ученики и последователи Льва Ивановича Спиридонова. Среди них отдельно стоит отметить известного специалиста в области постклассической теории права профессора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Илью Львовича Честнова, доктора юридических наук, профессора. Трудно представить организацию и проведение Спиридоновских чтений без декана юридического факультета СПБИНВЭСЭП Андрея Борисовича Сапельникова, кандидата юридических наук, доцента.

В текущем году Спиридоновские чтения были посвящены проблемным вопросам правосознания и его роли в правовой жизни современного общества. Актуальность этой темы для правовой жизни современного общества, в том числе и России, переоценить едва ли возможно. В современной отечественной общеправовой теории универсальное понятие «правосознание» до сегодняшнего дня не выработано, и едва ли можно ожидать, что ситуация кардинально поменяется в ближайшем будущем. Сложившееся в академической среде

положение по вопросу о понимании правосознания, впрочем, вполне объяснимо, оно обусловлено целым рядом объективных причин и субъективных условий.

Как позитивный следует оценивать тот очевидный факт, что научная общественность до сих пор не оставила надежды и продолжает предпринимать интенсивные попытки прояснить значение категории «правосознание», исследуя соотношения данного научного конструкта как с правом, так и с различными парадигмами права и государства — правопониманием. Значимость научной разработки правосознания убедительно показал И.Л. Честнов в двух докладах, представленных на юбилейных Спиридоновских чтениях.

В своем, как всегда интересном и побуждающем к размышлениям, выступлении на тему «Место и роль правосознания в правовой реальности» Илья Львович, в частности, отметил изменения, которые вносит постклассическая методология в изучение правосознания. С его точки зрения, правосознание — не просто категория общей теории права, а важнейший аспект правовой реальности. Именно правосознание обеспечивает конструирование норм права, их фиксацию в соответствующих формах и реализацию в практиках людей — носителей правосознания (статусов субъектов права).

Во втором докладе «Теоретическое правосознание: результаты социологического исследования» профессор И.Л. Честнов актуализировал тему изменений в научном мировоззрении и, как следствие этого, обозначил проблему «размытости» критериев авторитета научного сообщества как референтной группы в современном обществе. В научном сообществе, делает вывод профессор Честнов, общезначимых авторитетов сегодня нет, авторитет фрагментирован по разным основаниям. В ходе проведенного им микроисследования в форме ответов потенциальных участников конференции и других коллег на вопросы установлено, что среди оснований для такой фрагментации выступают не только тип понимания права, но и другие факторы: идеологический, религиозный, национальный.

В целом проблематика XV Международной конференции «Спиридоновские чтения» традиционно широка и разнопланова. Условно тематика представленных для обсуждения докладов может быть разделена на две группы. К первой группе сообщений можно отнести те, в которых правосознание рассматривалось как объект теоретического анализа. Ко второй — доклады, посвященные практико-ориентированному (профессиональному) правосознанию. Были представлены также доклады об историческом измерении правосознания в контексте отечественной истории права.

Различные аспекты правосознания как одного из традиционных объектов общей теории государства и права были проанализированы в научных сообщениях таких исследователей, как И.Л. Честнов («Место и роль правосознания в правовой реальности»), В.В. Лапаева («Правосознание и догма права»), Е.М. Крупеня («Правосознание субъекта статусного публичного права: теоретико-методологический аспект»), Н.В. Исаева («Концепция Л.И. Спиридонова о диалектике индивидуального, группового и коллективного правосознания в контексте правовой идентичности») и др.

В контексте отечественной истории права различные аспекты правосознания исследовали Д.А. Пашенцев — «Правосознание и правовая традиция», Н.Н. Ефремова — «Ценности правосудия как фактор формирования правосознания (на примере Великой судебной реформы в России)» и др.

Большой интерес у участников Спиридоновских чтений вызвало сообщение А.А. Дорской, доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой международного права РГПУ им. А.И. Герцена.

Юбилейная, XV Международная научная конференция «Спиридоновские чтения» была отмечена еще одним, важным, как представляется, моментом — Трибуной молодого ученого. В рамках этой части конференции результаты научных исследований представили пять докладчиков, преимущественно студенты 2-го и 3-го курсов Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

С учетом вышеизложенного без преувеличения можно утверждать, что Спиридоновские чтения в жизни юридического сообщества заняли свое достойное место.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

Д.А. Пашенцев

**Теоретико-правовой анализ компетенции
местного самоуправления:
рецензия на монографию
И.И. Овчинникова «Компетенция
местного самоуправления (проблемы теории
и практики правового регулирования)»
(М.: Юстицинформ, 2014. 240 с.)**

В монографии доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ивана Ивановича Овчинникова «Компетенция местного самоуправления (проблемы теории и практики правового регулирования)» комплексно и новаторски исследуется один из важнейших институтов местного самоуправления — институт компетенции. Необходимо отметить важность, актуальность и своевременность выхода в свет данного издания. Задачи создания действенного механизма функционирования местного самоуправления, превращения этого социально-правового явления в реальный и эффективный элемент в общей системе народовластия весьма остро стоят перед нашим государством, конституция которого провозгласила построение демократического правового государства. Поэтому осуществляемое в настоящее время реформирование системы местного самоуправления одной из своих целей имеет создание условий для развития в нашей стране такого местного самоуправления, которое отвечало бы требованиям демократического правового государства. О сложности данной проблемы свидетельствует непрекращающаяся активная научно-практическая дискуссия, развернувшаяся в связи с принятием и реализацией положений Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ).

Среди различных причин, которые обусловили необходимость и целесообразность подготовки нового научного труда по муниципальному праву, можно выделить следующие.

Во-первых, в период реформы политической и экономической систем современного российского общества создаются правовые, политические и социально-экономические условия для решения закрепленных за муниципальными образованиями вопросов местного значения, совершенствования механизмов взаимодействия органов местного самоуправления различных уровней муниципальных образований, а также органов местного самоуправления с органами государственной власти, что может придать новое качество решению задач развития территорий. В ряде субъектов Федерации накоплен интересный опыт такого взаимодействия, что обуславливает необходимость его изучения и обобщения.

Во-вторых, многие исследования, затрагивающие проблематику компетенции местного самоуправления, не учитывали последние изменения в действующем законодательстве.

В-третьих, автор сосредоточивает внимание на системном уяснении теоретических и прикладных аспектов местного самоуправления, на выявлении современных проблем организации и деятельности представительных, исполнительно-распорядительных и иных органов местного самоуправления, реализации ими своих полномочий, развитии разносторонних отношений, а точнее — прямых и обратных связей с населением муниципальных образований, с органами государственной власти, с органами местного самоуправления других муниципальных образований.

Автор рассматривает компетенцию местного самоуправления как целостный объект правового регулирования, раскрывает методологию и основные формы правового закрепления компетенции муниципальных образований, что имеет существенное практическое и концептуальное значение для познания механизмов отражения в праве многообразных проявлений сущности местного самоуправления.

Монография И.И. Овчинникова соответствует хорошему научному уровню, отличается новыми и оригинальными подходами и идеями, позволяющими лучше понять основные положения современной концепции местного самоуправления, проблемы правового регулирования и, что очень важно, смысл осуществляемого в настоящее время реформирования местного самоуправления, одними из направлений которого являются оптимальное определение предметов ведения (вопросов местного значения), соответствующих возможностям каждого вида муниципальных образований, полномочий и ответственности органов местного самоуправления за их реализацию, наделение муниципальных образований для осуществления своих задач и функций необходимыми и достаточными материальными ресурсами и финансовыми средствами. Только опираясь на четкую систему правового регулирования, ясно очерченную компетенцию органов местного самоуправления, продуманную территориальную организацию местной власти и собственную экономическую базу, местное самоуправление сможет обеспечить реализацию своего

конституционного предназначения по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

В этой связи важно подчеркнуть, что в рецензируемом труде вопросы местного самоуправления рассматриваются не только в теоретическом аспекте, притом с учетом современных достижений науки муниципального права и других смежных отраслевых юридических наук, что представляет несомненную научную ценность, но и в их практическом преломлении, сквозь призму правовой регламентации деятельности, прежде всего, органов местного самоуправления, реализации ими своих полномочий, использования материальных и финансовых ресурсов местного самоуправления.

Автор справедливо отмечает, что обязанности по решению вопросов местного значения возлагаются на органы местного самоуправления, в соответствии со статьями 130, 132 Конституции Российской Федерации, однако до настоящего времени правовая основа муниципальной деятельности непоследовательна и противоречива. Не отработаны должным образом формы и методы осуществления этого вида деятельности. Давно уже назрел вопрос о придании необходимых правовых оснований контролю со стороны населения за деятельностью органов местного самоуправления. Примечательно, что при раскрытии вопросов, относящихся к правовой, организационной, финансово-экономической составляющим местного самоуправления, автор рецензируемой монографии не уходит от имеющихся в этих сферах проблем и не ограничивается простым изложением материала, констатацией проблем, накапливающихся в местном самоуправлении. Он выявляет тенденции и показывает, что процесс укрепления местного самоуправления в нашей стране сложен и противоречив по причинам политического, экономического, организационного характера, в том числе из-за непоследовательности, нечеткости правового регулирования.

Можно поддержать стремление автора рассмотреть компетенцию местного самоуправления по меньшей мере в двух аспектах: как определенную систему сложных взаимодействующих факторов и условий, способствующих формированию определенных концептуальных взглядов о сущности местного самоуправления, и как элемент, подсистему в системе основ конституционного строя и публичной власти в Российской Федерации. Такой подход позволил автору преодолеть формально-институциональный подход к рассмотрению категорий «основы местного самоуправления», «общие принципы местного самоуправления», «полномочия местного самоуправления», «вопросы местного значения» и др.

Соединение в одном труде целого комплекса столь многоплановых теоретических и практических проблем, несомненно, свидетельствует о творческой и научной удаче автора. Системному и комплексному изложению наиболее актуальных, насущных вопросов, затрагивающих самые сложные аспекты проводимых преобразований в местном самоуправлении, способствовала

очень точно и грамотно выбранная методология раскрытия темы. Вполне логичен и обоснован план научного исследования, который, охватывая наиболее важные проблемы правового обеспечения компетенции местного самоуправления, в то же время позволяет четко ограничить круг рассматриваемых вопросов лишь теми аспектами, анализ которых наиболее ярко высвечивает потребности теории и практики местного самоуправления.

Автору удалось сконцентрировать внимание на наиболее важных, принципиальных вопросах компетенции: раскрытии ее понятия, природы, сущности, структуры, основных форм и особенностей правового закрепления в действующем законодательстве, изучении предшествующего советского опыта организации и функционирования власти на местах, формулировании новых или уточненных определений, относящихся к науке и одноименной отрасли муниципального права, позволяющих учесть в этих дефинициях новые теоретические подходы и обобщения, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, выявлении соотношения и взаимодействия с функциями местного самоуправления, а также ее роли в обеспечении муниципальной публичной власти, что позволило сформировать концептуального уровня взгляды на компетенцию местного самоуправления.

Впервые в муниципальном праве поставлены и разработаны автором вопросы о классификации и уровнях компетенции местного самоуправления, не получивших пока своего должного освещения в юридической литературе, но знания о которых, несомненно, обогащают теорию местного самоуправления. В ряде случаев автор акцентирует внимание на обобщении опыта и проблем организации местного самоуправления в городе Москве, что представляет дополнительный интерес, поскольку эти вопросы в учебной литературе изложены пока крайне недостаточно.

Исследуя правовые проблемы компетенции, автор высказывает свою позицию по столь сложным и находящимся в центре продолжающихся дискуссий вопросам, как правовое закрепление и практическое обеспечение принципов самостоятельности, организационной обособленности, достаточности материально-финансовых ресурсов для реализации полномочий местного самоуправления. И.И. Овчинников справедливо отмечает, что определенный шаг в направлении создания полноценного местного самоуправления сделан Федеральным законом № 131-ФЗ, закрепившим для каждого уровня муниципальных образований свои вопросы местного значения, структуру и полномочия органов местного самоуправления, целевое назначение муниципального имущества, источники доходов местных бюджетов. Но эти, в общем-то, правильные установления закона нивелируются большими различиями в возможностях муниципальных образований, даже одного уровня, успешно решать вопросы местного значения. Во многих муниципальных образованиях недостаточно собственной налогооблагаемой базы и имущества, способного приносить доход.

Позитивным видится и то обстоятельство, что автор рассматривает вопросы реализации полномочий органов местного самоуправления как целостного социального явления, охватывающего основные интересы, важнейшие формы и проявления жизнедеятельности населения на территории муниципального образования. Автор обоснованно подчеркивает специфику правового регулирования общественных отношений в муниципальных образованиях с учетом территориальных, функциональных, компетенционных, материально-финансовых различий и возможностей муниципальных образований. Рассматривая сложившуюся ситуацию, автор приходит к выводу о необходимости коренной перестройки системы имущественных взаимоотношений не только между муниципальными образованиями, но и между муниципальными образованиями и субъектами Российской Федерации, в особенности, в целях дальнейшего справедливого разграничения объектов собственности и источников доходов для формирования полноценных местных бюджетов. Эта позиция автора может быть поддержана, как и другие его выводы и рекомендации, отличающиеся убедительностью аргументации и вызывающие доверие.

Монография Ивана Ивановича Овчинникова является значимым научно-практическим исследованием проблематики компетенции местного самоуправления, вносящим существенный вклад в развитие теории муниципального права. Автор последователен в отстаивании своих концептуальных взглядов и выводов о тенденциях и закономерностях развития компетенции местного самоуправления, подкрепляя их обстоятельным анализом действующего федерального и регионального законодательства, муниципальных правовых актов. Автор подготовил интересный, содержательный и оригинальный научный труд, который будет в полной мере способствовать глубокому и разностороннему изучению как теоретических, так и практических аспектов становления и развития компетенции местного самоуправления в нашей стране.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2015, № 4 (20)**

Апостолова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры методики преподавания истории Института гуманитарных наук МГПУ (ApostolovaT@mgpu.ru).

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ne0609@bk.ru).

Гаврилова Юлия Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (u.v.gavrilova@gmail.com).

Еремина Татьяна Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права РГПУ им. А.И. Герцена (studian@mail.ru).

Кочемасов Артем Владимирович — аспирант кафедры истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова (Kochemasov.Artem@yandex.ru).

Крупеня Елена Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (krupenyaem@yahoo.com).

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua).

Куракина Юлия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ (Kurakina_jv@mail.ru).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (dp-70@mail.ru).

Полянский Павел Львович — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова (iogp@yandex.ru).

Пономарев Михаил Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (mvp2002@list.ru).

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (Sev99@yandex.ru).

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (LBSitdikova@mail.ru).

Чеботарева Анна Александровна — кандидат юридических наук, доцент Юридического института Московского государственного университета путей сообщений (v.tchebotarev@mail.ru).

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института МГПУ (ChurilovSN@jurist.mgpu.ru).

«MCU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2015, № 4 (20)

Apostolova Tatyana Mihailovna — PhD in History, Associate Professor, Department of a technique of teaching history of Institute of the humanities MCU (ApostolovaT@mgpu.ru).

Borisova Natal'ya Evgen'evna — Grand PhD in Law, Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCU (ne0609@bk.ru)

Gavrilova Yuliya Vyacheslavovna — PhD in Law, Associate Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCU (u.v.gavrilova@gmail.com).

Eryomina Tat'yana Ivanovna — PhD in Law, Associate Professor, Department state law, RGPU of A.I. Herzen (studian@mail.ru).

Kochemasov Artem Vladimirovich — postgraduate student of the history of the State and Law, Moscow State University named after Lomonosov (Kochemasov.Artem@yandex.ru).

Krupenya Elena Mihailovna — PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law institute MCU (krupenyaem@yahoo.com).

Kuksin Ivan Nikolaevich — Grand PhD in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law, Law institute MCU (proffkuk-1944@yandex.ua).

Kurakina Julia Vladimirovna — PhD in Law, Associate Professor Department of International Law and Human Rights, Law institute MCU (Kurakina_jv@mail.ru).

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Grand PhD in Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law Law institute MCU (dp-70@mail.ru).

Polyanskiy Pavel Lvovich — PhD in law, Associate Professor, History of State and Law Department, Moscow State University named after Lomonosov (iogp@yandex.ru).

Ponomarev Mikhail Viktorovich — PhD in Law, Associate Professor, Department of State and legal disciplines Law institute MCU (mvp2002@list.ru).

Severukhin Vladimir Aleksandrovich — PhD in Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law Law institute MCU (Sev99@yandex.ru).

Sitdikova Lyubov Borisovna — Grand PhD in Law, Professor, Civil Law Disciplines department Law institute MCU (LBSitdikova@mail.ru).

Tchebotareva Anna Aleksandrovna — PhD in Law, Associate Professor, Law institute Moscow State University of Railway Engineering candidate of jurisprudence (v.tchebotarev@mail.ru).

Churilov Sergey Nikiforovich — Grand PhD in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Law institute MCU (ChurilovSN@jurist.mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 авт. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 4 (20), 2015

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 21.12.2015 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 7 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.